

Лариса Петровичева

Коллекционер чудес

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Лариса Петровичева
Коллекционер чудес

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Петровичева Л.

Коллекционер чудес / Л. Петровичева — «АЛЬФА-КНИГА»,
2019

Если вы открыли в себе способности к некромантии и родители выгнали вас из дома, ни в коем случае не отправляйтесь в столицу. Если таинственный джентльмен предложит вам отгонять его кошмары – не соглашайтесь. И уж тем более не надо ехать с ним в далекий город, где вампиры, поднятые из могил местным чародеем, убивают невинных девушек. В противном случае вам повезет найти свою любовь, сокровища... и кое-что похуже.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Петровичева Л., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лариса Петровичева

Коллекционер чудес

Глава 1

Девушка благородных кровей

«Счастье ждет тебя там, где не ожидаешь». Надпись на древнехаомийском вислась над тяжелой дубовой дверью, и Аурика, вчитавшись в аккуратные буквы, подумала: хоть бы ей повезло. За последнюю неделю она уже успела забыть о том, что счастье возможно.

Дом, перед которым она стояла, был большим и изящным, с высокими окнами и стройными колоннами возле входа. Должно быть, комнаты всегда наполняло солнце, и даже в хмурые зимние дни в них было светло. Отведя взгляд от надписи, Аурика несколько минут просто любовалась строением и заснеженным садом с заметенными снегом статуями, но потом морозец напомнил о себе, снова принялся ощутимо покалывать ноги в тонких осенних сапожках, и девушка поднялась на крыльцо и решительно постучала в дверь.

Зачем топтаться на пороге? Надо получить ответ и либо оставаться, либо идти дальше. Продолжать поиски и надеяться, что все получится, она найдет работу и покинет свою комнатушку на чердаке. Надежда была слабой. Очень слабой.

Аурике долго не открывали, и она успела отчаяться. Ну что за невезение? Ей позарез нужна работа, только, похоже, здесь тоже ее не найти. Но дверь неожиданно открыли, и Аурика увидела высокого молодого человека в темно-сером камзоле. На привратника или дворецкого не похож, смотрит равнодушно и без улыбки. Почему-то Аурике стало не по себе от этого испытующего взгляда – он словно бы проникал в те глубины ее души, куда сама она избегала заглядывать.

– Я по объявлению, – промолвила она и протянула газету, сложенную нужной страницей вверх. – Вот... Добрый день.

Молодой человек холодно кивнул и отступил внутрь, давая Аурике возможность войти. В доме было тепло, и на какое-то мгновение она замерла, блаженно шурясь и осознавая, насколько же замерзла, пока добралась сюда. Все-таки хаомийские зимы суровы, особенно если проводишь их в месте, намного неприятнее этого...

– Вам прямо и направо, миледи, – перебил ее размышления молодой человек, который всем своим видом показывал, что у него есть дела гораздо интереснее и важнее гости. – Господин Тобби в библиотеке.

– Благодарю вас, – кивнула Аурика и уверенным шагом направилась туда, куда было указано.

Ее даже не удосужились проводить. Что за порядки в этом доме? Впрочем, увидев еще двоих парней в таких же серых одеяниях, которые, пытаясь и отдуваясь, тащили огромные металлические ящики по лестнице со второго этажа, Аурика поняла, что здешним обитателям не до нее. Переезжают, что ли?

Возле библиотеки Аурика остановилась, поправила шарфик и, внутренне досадуя на отсутствие зеркальца, решительно выдохнула и постучала. Вновь пришлось ждать, но в конце концов она услышала:

– Да, заходите, – и, толкнув дверь, вошла в библиотеку.

Ее потенциальный наниматель сидел в кресле возле окна и рассматривал на свет какую-то стекляшку, рассыпавшую во все стороны разноцветные брызги солнечных зайчиков. Это

было настолько красиво, что Аурика растерянно замерла и опомнилась только тогда, когда слышала насмешливое:

– Ну что? Продрогли?

Джентльмену не полагается так разговаривать с леди, но этот джентльмен, похоже, мог себе позволить любые вольности. Он держался как особа, облеченная властью, и ему не требовалось ни мундира, ни орденов, чтоб показать свой статус. Глядя на него, Аурика затруднялась сказать, сколько ему лет. Стройная фигура, светлые волосы, красивое, полное легкомысленного обаяния лицо, как у коллекционной куклы, говорили о том, что хозяину дома вряд ли больше тридцати пяти, но тяжелый взгляд и проблески седины в волосах делали его старше.

Чем дольше Аурика смотрела на него, тем более мрачным и опасным казался он ей. Ему многое пришлось пережить. Его путь был велик и страшен.

– Да, на улице холодно, – проговорила она, окончательно стушевавшись под этим пристальным взглядом, но почти сразу же овладела собой и со словами: – Добрый день, я по объявлению, – снова протянула газету нужной стороной вверх.

Объявление, попавшееся на глаза час назад в свежем выпуске «Хаомийского времени», было ее единственной надеждой на возможность хоть как-то устроиться в жизни – слабой, очень слабой надеждой. «Требуется ассистентка, S. T. N. H.» Прочтя эти скупые строки, Аурика внутренне возликовала. Это был шанс. S. T. N. H, *salva tantom nittima hole*, благовоспитанная девушка достойных кровей. Их набирали в секретари, библиотекари, гувернантки, и Аурика была именно такой.

– Как вас зовут? – осведомился хозяин дома, убирая стекляшку в черную коробку.

Разноцветные брызги напоследок пробежали по комнате и погасли. Сразу стало темнее, несмотря на то что помещение заливал солнечный свет. Аурике показалось, что воздух стал прохладным и в нем проплыла тонкая струйка запаха яблок.

– Аурика вин Селлан, – представилась Аурика. – Я из Запольских земель. Юберфорт, есть там такой город.

На правом ухе джентльмена не доставало мочки. Аурика заметила это только теперь. Изуродованное ухо было изящно прикрыто светлым локоном, словно джентльмен стеснялся своего увечья.

– Далеко отсюда, – произнес хозяин и добавил: – Дерек Тобби, к вашим услугам.

Он сделал паузу, будто оценивал реакцию Аурики, и, похоже, увидел именно то, что хотел, потому что доброжелательно улыбнулся и сказал:

– Давно вы в столице, Аурика?

– Четыре дня, – ответила Аурика, стараясь не думать о том, сколько было пережито за эти долгие холодные дни, наполненные отчаянием и одиночеством.

– А, простите, в этом «узелочке», – господин Тобби бесцеремонно указал пальцем на маленькую сумку, которую Аурика опустила на пол, – ваши вещи? Все?

Аурика почувствовала, как к щекам приливает краска, а глаза начинает жечь. Все ее нехитрые пожитки действительно помешались в дамскую сумку, и Аурика была вынуждена носить ее с собой, чтоб соседи не украли последнего. В доме обитали те еще охотники до чужого добра. Господин Тобби с невероятной легкостью пробил дыру в той броне, которую она так старательно выстраивала с того момента, как села в вагон третьего класса и отправилась в столицу, – в ее родном городе магов считали отверженными.

Теперь брони не стало. А она-то надеялась, что сможет быть сильной, что сумеет принимать удары судьбы с тем спокойствием, которое полагается леди. Не получилось. Вопрос Дерек Тобби сделал Аурику маленькой, жалкой и слабой, куклой, которую сломали и выбросили.

– Да, – кивнула Аурика. – Это все мои вещи.

Голос все-таки дрогнул. Потенциальный наниматель ободряюще улыбнулся, хотя тепла в этой улыбке было примерно столько же, сколько в снеге за окном, и указал на кресло возле камина.

– Присаживайтесь, Аурика, в ногах правды нет.

Аурика послушно опустилась в кресло и вздохнула с облегчением, вытянув к весело трещащему огню замерзшие ноги.

Дерек Тобби сделал глоток из стоящего перед ним на столе пузатого бокала и произнес:

– Итак, за что же родители выгнали вас из дома в такую погоду? Я вас слушаю очень внимательно.

Аурика едва не перестала дышать. Откуда он знает? Господин Тобби по-прежнему смотрел на нее с дружелюбным видом, чуть склонив голову к плечу, и чувство стыда и обиды все больше и больше охватывало ее.

– Откуда вы знаете? – испуганно спросила Аурика.

Дерек Тобби снова улыбнулся, провел пальцем по краю бокала и ответил:

– Обручального кольца нет, значит, вы не замужем. Одежда хорошая, но не по погоде. Зимы в наших краях суровые, а вы, можно сказать, налегке. В Запольских землях очень крепкие семьи, так что, отправляя вас в чужие края, родители непременно одели бы вас потеплее и дали бы гораздо больше вещей. Значит, они вас выгнали. Прежде чем нанимать вас на работу, я хотел бы узнать, почему это случилось.

Аурика шмыгнула носом, понимая, что не имеет права расплакаться перед этой злой куколкой. Ни в коем случае. Ей на мгновение захотелось улететь далеко-далеко, туда, где тепло и нет этого человека с пронзительным взглядом.

– У меня проявились *способности*, – прошептала она. Честность – лучшее, что есть у леди, и Аурика решила быть честной. – Недавно проявились. И родители сказали, что я могу проваливать к дьяволу. Потому что теперь я позор для семьи и дома. И никто и никогда не возьмет меня замуж даже с большим приданым...

Это было хуже всего, даже хуже того, что в ней проснулось. Старая дева – позор для всей семьи. Максимум, на что она может рассчитывать, – безразличное сочувствие. В худшем случае сочли бы проклятой и стали чураться ее, а то посмотрит дурным глазом и расстроит чужое семейное счастье.

Господин Тобби понимающе кивнул, словно сразу разобрался, о каких способностях говорит Аурика, и ей почему-то стало легче. Она почувствовала, что угрозы нет, и то, что в ней зародилось, не делает ее прокаженной. По крайней мере, в глазах этого человека.

– Какие именно способности? – уточнил Дерек Тобби.

Аурика замялась, не желая открывать неприятную правду, но затем подумала, что от этого человека лучше ничего не скрывать. Ей казалось, что он видит ее насквозь. И этому не мешает даже запах спиртного.

– Я могу общаться с мертвыми, – проговорила Аурика. – В нашем имении умер управляющий... И я смогла услышать его голос, когда подошла к гробу. Он просил, чтоб его похоронили в новых сапогах, в Царствии Небесном стыдно ходить в стоптанных...

– Способности к некромантии в столь юном возрасте – это бывает. И быстро проходит, если дар не развивать, – ободряюще произнес Дерек Тобби, и теперь его улыбка была более искренней и мягкой, словно он узнал об Аурике все, что хотел, и это ему понравилось. – Что ж, Аурика, с вами мы все выяснили, давайте теперь обо мне. Я министр инквизиции в отставке. Ее величество сочла мои методы работы слишком грубыми, так что послезавтра я уезжаю из столицы в деревню. В почетную ссылку, так сказать.

Значит, действительно переезд. Аурика изо всех сил старалась взять себя в руки и сохранять невозмутимое выражение лица, но внутри нее все трепетало от нарастающего ужаса.

Она всегда умудрялась вляпаться в какую-нибудь неприятную историю. Вот и сейчас... Только Аурика могла попасть в дом инквизитора, человека, который призван обуздывать таких, как она. Только ей могло так не повезти.

– Мне нужна помощница, – продолжал Дерек Тобби. – Работа может показаться в определенном смысле предосудительной, но даю вам слово офицера и джентльмена, что ваша честь и доброе имя не пострадают. Ваша задача будет состоять в том, чтобы спать со мной.

Аурика не сдержалась и ахнула. Мало того что она умудрилась угодить к инквизитору, так ей еще и предлагают нечто совершенно невероятное и возмутительное! Только вот у нее нет другого выхода. Несмотря на то что слова потрясли ее, Аурика уже понимала, что согласится. Для нее это действительно последний шанс.

– Я уже шесть лет страдаю от ночных кошмаров, – с прежним спокойствием пояснил Дерек Тобби, – которые отступают, если ночью рядом со мной кто-то есть. Вот в чем будет состоять ваша работа: бодрствовать до утра, а когда я начну ворочаться и разговаривать во сне, просто легонько толкните меня в плечо. За это вы будете получать тысячу карун. – Он пристально посмотрел на совсем растерявшуюся Аурику и с нажимом добавил: – Повторюсь: ваша честь останется неприкосновенной. Наши отношения будут исключительно рабочими.

– Я согласна, – прошептала Аурика.

Она и сама не ожидала, что согласится настолько быстро, – за нее говорили усталость, голод и холод. Ведь тех ассигнаций, что сунула на прощанье мать, не хватит и на месяц, а потом она закончит чем-то намного хуже той работы, которую предлагал господин Тобби.

Аурика прекрасно понимала, что тысячу карун не будут платить просто за похлопывание спящего по плечу. Понимала и все-таки отвечала согласием на это щедрое предложение.

– Вот и хорошо. – Улыбка бывшего министра была невероятно обаятельной.

Он, в общем-то, производил приятное впечатление: Аурика невольно почувствовала расположение.

Дерек Тобби смерил гостью еще одним оценивающим взглядом, будто мысленно снимал мерки, и потянулся к тяжелому кожаному бумажнику, лежавшему на краю стола. Зашуршали рыжие ассигнации (Аурика никогда не видела настолько крупных купюр), звякнуло золото.

Бывший министр подвинул деньги в сторону Аурики.

– Считайте это авансом, – сказал он. – Тут чуть дальше по улице есть магазин Абрутто, этого вам хватит, чтобы обновить гардероб. Купите нормальную обувь и шубку, обещают суровую зиму. Вряд ли простуда поможет вам работать.

Аурика поднялась из кресла и, не чувствуя ног, подошла к столу и взяла деньги. Ей на мгновение вспомнилось мрачное напутствие матери. Когда Аурика уже выходила из дому с тем узелком, о котором так небрежно отозвался господин Тобби, услышала в спину: «Да быть тебе шлюхой, поганая магичка». Слова звучали как плевков. И вот она берет деньги от того, кто купил ее. Все сбылось.

Похоже, Дерек Тобби верно оценил состояние Аурики, потому что снова улыбнулся и ободряюще произнес:

– Я ничем вас не обижу, Аурика. Не сомневайтесь.

Если бы только это было правдой!

Магазин, в который господин Тобби направил Аурику, напоминал те роскошные сокровищницы желанных товаров, которые она изредка видела в журналах. Хрустальные люстры, множество зеркал в золотых рамах и манекены, похожие на античные статуи и разодетые по последней моде, – словом, все для настоящих леди, которые не откажут себе в удовольствии купить при случае готовое платье.

Швейцар открыл дверь перед Аурикой, поклонился ей, и она неожиданно остро почувствовала свою бедность. Никакой леди она не казалась – так, девчонка с чердака в стоптан-

ных сапожках, которой не положено находиться в этом царстве мрамора, пушистых восточных ковров и красивой одежды. Смушение было настолько велико, что Аурика приготовилась развернуться и уйти. Но к ней уже спешил администратор зала – высокий элегантный мужчина во фраке, с подкрученными усиками и идеальным пробором в черных волосах. Поклонившись и одарив Аурику очаровательной улыбкой, он доброжелательно проговорил:

– Я Аттула, администратор магазина. К вашим услугам. Что угодно, леди?

Аурика решительно выдохнула и, запустив руку в карман пальто, выгребла золото и ассигнации бывшего министра. Аттула едва заметно дернул бровью и больше ничем не выразил удивления. Аурике пришло в голову, что она похожа на воровку, которая вытащила кошелек у какого-нибудь богатея.

– Я уезжаю на север, – сказала она и высыпала золото в расторопно подставленную ладонь администратора. – Мне нужно полностью одеться по погоде.

Аттула понимающе кивнул, и Аурика увидела, что денег уже нет, исчезли, будто их и не было. Похоже, его вовсе не интересовало, откуда у девушки деньги. Аурике вдруг подумалось, что все люди в мире думают только о себе и им не важно, что происходит в ее жизни, – от этой мысли ей стало немного легче.

– И по погоде, и по моде, – теперь администратор улыбался, как сытый хищник. – Нам буквально два дня назад прислали новую коллекцию платьев Буккерини и Леопольда, а у вас просто идеальный размер.

Повинуясь незаметному знаку, откуда-то из-за манекенов появилась продавщица с целой горой одежды, и Аттула приглашающим жестом указал на золотые дверцы, которые гостеприимно распахнулись перед покупательницей.

– Прошу в примерочную, – прошептала продавщица.

«Неужели жизнь налаживается?» – подумала Аурика.

Денег, столь любезно врученных ей новоявленным работодателем, хватило на два теплых платья, несколько комплектов хорошего белья и чулок, а еще на сапожки, отороченные мехом, на шапку, рукавички и самое главное – на шубу. Девушка, отражавшаяся в зеркале, ничем не напоминала ту испуганную провинциалку, которая всего лишь час назад постучала в двери дома бывшего министра. Аурика видела не привычную себя, а изящную красавицу, под каблукчиками которой лежит весь мир. Такой и должна быть леди. Такими и были леди в журналах, которые выписывала мать, изредка качая головой и сокрушенно приговаривая, глядя на Аурику: «Нет, такой тебе никогда не быть».

А она все-таки стала.

Но когда Аурика вышла из магазина в ранние зимние сумерки и вдохнула морозный воздух, пахнувший металлом и гарью большого города, ее решимость практически растаяла. Она села на скамейку и, глядя, как по тротуару спешат пешеходы, а по дороге едут omnibusы и диковинные самоходные экипажи, подумала, что ничего хорошего ее не ждет.

Ну как она вообще могла согласиться на такое постыдное предложение! Мама была права, когда говорила, захлебываясь слезами и глотая пилюли от нервов: «В тебе всегда была какая-то червоточина! Всегда! Посмотри на соседок – все вышивают, учатся домашнему хозяйству, готовятся выйти замуж, а ты? Только книги и ученость, и к чему все привело? К разговорам с покойниками! Ты изначально порочная, дрянная девка – вот и вылезла твоя дрянь! Гниль не скроешь!» Пожалуй, родители не удивились бы, узнав, какую именно работу нашла их дочь. Мама покачала бы головой, а отец произнес бы что-то вроде: «Я в этом и не сомневался».

Но что ей оставалось делать? За эти несколько дней, проведенных в столице, полугодных и полных отчаяния, Аурика пробовала устроиться секретарем, машинисткой, библиотекарем, даже судомойкой в ресторан, и ничего не вышло. В ресторане вообще решили, что барышня шутит или с жиру бесится. Деньги утекали как вода, хотя Аурика не тратила их на ерунду: сняла комнатку на чердаке, а питалась только завтраками.

И она никогда не купила бы себе шубу. Никогда. И умерла бы от чахотки к Новому году – где-нибудь на улице, потому что за комнатуху на чердаке нечем стало бы платить.

Всхлипнув, Аурика подумала, что надо брать себя в руки и приступать к работе, не оглядываясь назад. Крыша над головой, уют, еда... И, в конце концов, бывший министр Тобби – это всего один мужчина. Аурика прекрасно понимала, как и чем зарабатывают на жизнь проститутки, и не хотела такой участи.

Фривольный роман о жизни дам из веселого дома она однажды нашла в отцовской библиотеке старательно спрятанным за темно-синими корешками энциклопедий и получила за это первую в жизни порку. Барышням не положено читать таких книг, мама едва в обморок не упала, когда увидела, что именно лежит на прикроватном столике ее дочери. Эту книгу ей тоже припомнили во время семейного скандала, мол, порок всегда тянется к пороку, как свинья к грязи. Но ведь это не Аурика зачитала роман до дыр.

Она вздохнула и поднялась со скамьи. Что сидеть и мучиться от горьких дум, когда решение уже принято и ее ждут? При мысли о том, что она, девушка из приличной семьи, которая, разумеется, еще и не целовалась-то ни с кем, сегодня ляжет в одну постель с мужчиной, Аурика начинала чувствовать внутреннюю дрожь и подступающую тошноту. А когда представила, как бывший министр вдруг начнет развязывать шнурочки на ее ночной рубашке, то у нее перед глазами потемнело от ужаса и отвращения. Но, может быть, все окажется не так страшно, как она представляет?

В доме продолжалась прежняя суета: теперь из библиотеки выносили коробки с книгами. Бывший министр сидел на диване в гостиной и просматривал бумаги, откладывая одни документы в сторону, а другие бросая в камин. Рядом на столике стоял уже знакомый бокал, а на щеках работодателя Аурика заметила пятна хмельного румянца. Увидев Аурику, господин Тобби улыбнулся и, уже привычно смерив ее оценивающим взглядом, довольно сказал:

– Отличный выбор. Я, честно говоря, думал, что вы сбежите.

Аурика сняла шубку, которую тотчас же подхватил кто-то из молодых людей в сером, опустилась в ближайшее кресло и призналась:

– Мне это и в голову не пришло.

– Ну вот и замечательно. – Дерек Тобби порвал какой-то документ, отправил клочки в огонь и задумчиво посмотрел на оставшуюся стопку. – Аурика, простите меня, но я даже не спросил, хотите ли вы есть.

Аурика усмехнулась. Сегодня она позавтракала овсяной кашей на воде, и было это, когда еще не рассвело, а сейчас почти вечер. Она всеми силами старалась не обращать внимания на голод, но это уже плохо получалось.

– Хочу. Даже очень хочу, – призналась она и отважилась задать вопрос, тень которого преследовала ее с того момента, как она вошла в этот дом: – А что случилось с девушкой, которая была на моем месте?

– Я женился и дал ей отставку, – произнес Дерек Тобби. Очередной документ полетел в камин.

Бывший министр старался говорить со спокойным равнодушием, но Аурика почувствовала, что он тщательно скрывает внутреннее волнение.

– Но мой брак признан недействительным два месяца назад, и я за это время по-настоящему извелся.

Он со вздохом поднялся, переложил стопку бумаг в коробку, которую сразу же унес один из помощников, и, подхватив бокал, указал на одну из дверей.

– Идемте, Аурика. У вас будет поздний обед, а у меня – ранний ужин.

Когда служанка поставила перед Аурикой тарелку ароматного куриного супа, то на мгновение девушка почувствовала себя дома, будто она садится ужинать с родителями, а доб-

рая Эвельда, их старая кухарка, накрывает на стол, приговаривая: «Кушайте, дорогие мои, кушайте на здоровье». Аромат прозрачного золотистого бульона был просто умопомрачительным, и Аурика, изголодавшаяся за эти дни, сама не поняла, как тарелка опустела. Воспитанная леди не должна набрасываться на еду, как крестьянин, который только что вернулся с поля, тем более в присутствии джентльмена, но Аурика ничего не могла с собой поделать.

В столовую заглянул молодой человек в сером и, заметив, что господин Тобби в очередной раз наполняет бокал, смело забрал графинчик с коньяком, сказав:

– Довольно, ваша светлость.

Бывший министр посмотрел на него с таким видом, словно перед ним – заговоривший предмет интерьера, который вдруг решил покомандовать хозяином дома. Молодой человек улыбнулся, но глаза его остались серьезными.

– Завтра три встречи, ваша светлость, – напомнил он.

Дерек Тобби фыркнул.

– Хвала Господу, послезавтра я уеду! – воскликнул он.

Молодой человек выразительно возвел глаза к потолку.

– До послезавтра я еще работаю на вас. И за всем прослежу, как и полагается, можете не сомневаться.

Дерек Тобби вздохнул и устало махнул рукой: мол, иди уже.

На второе принесли огромную свиную отбивную с ломтиками жареной картошки, мелкими солеными огурчиками и квашеной капустой. Аурика, утолившая первый голод, теперь ела так, как и полагается благовоспитанной девушке из приличной семьи, сопровождая еду беседой. Тем более вопросы так и прыгали с языка.

– А разве можно признать брак недействительным? – спросила она.

Не покидало чувство, что наниматель что-то недоговаривает.

Бывший министр кивнул и спокойно ответил:

– При желании можно подобрать варианты. Я подобрал тот, который устроил и закон, и меня, и мою жену.

– А вы... вы любили ее? Вашу супругу?

Почему-то это казалось Аурике очень важным. Дерек Тобби грустно улыбнулся, и Аурика поняла, что коснулась темы, которую не имела права затрагивать.

– Да, – кивнул он, ловко нарезая свою порцию стейка на идеально ровные кусочки как профессионал, который умеет обращаться с ножом. – Я и сейчас ее люблю. Но нельзя посадить птицу в клетку и отнести в подвал. Птица тогда умрет, а я не хочу, чтоб она умирала.

На мгновение Аурике стало жаль его чуть ли не до слез. Она почувствовала, что Дерек Тобби говорит искренне, а это дорогого стоит. Вряд ли он будет открывать душу перед первым встречным.

– Простите, – волнуясь, промолвила она, запоздало поняв, что все-таки влезла не в свое дело. – Я не должна была спрашивать об этом.

Во взгляде бывшего министра мелькнули хитрые золотые огоньки.

– Вы очень хорошо воспитаны, Аурика, – одобрительно заметил он. – Хотя ваше любопытство перевешивает воспитание, и это тоже хорошо. Мне это нравится.

– Вежливость – главное оружие леди. – Аурика уставилась в опустевшую тарелку, чувствуя какой-то подвох.

Ее будто бы осторожно и уверенно вели в тщательно спрятанную ловушку, а она покорно шла просто потому, что бежать было некуда.

Принесли десерт – кофе в крошечных фарфоровых чашках и профитроли с шоколадным кремом. Это выглядело восхитительно и, конечно, было безумно дорого, но Аурика, растерянная и испуганная надвигающейся ночью, уже не чувствовала вкуса.

– Со мной все ясно, – сказал наниматель, одним глотком выпив кофе. – А вы?

– Что – я? – не поняла Аурика.

– Расскажите о себе еще. – Хмельной блеск в глазах Дерека Тобби померк, теперь бывший министр смотрел спокойно и немного грустно. Даже привычная улыбка исчезла. – Что вы любите, например?

Аурика пожала плечами. Девушкам полагается любить танцы, вышивание и музыку, то есть те простые и милые вещи, которые сделают юную леди радостью мужа и семьи. Аурика и тут не была такой, как полагается. Иголочка так и норовила сбежать из ее неловких пальцев, и гувернантка, которой приходилось учить свою подопечную вышивать цветы по канве, хмурилась, вздыхала и откладывала пяльцы. Потом она шла к матери и рассказывала, что Аурика не желает стараться, она слишком упряма и ленива... Кажется, это было в какой-то другой жизни. Не с ней. С другой девушкой, которая никогда не стала бы разговаривать с мертвецами.

– Я читать люблю, – ответила Аурика.

Дерек Тобби вопросительно поднял левую бровь.

– Удивительно, – сказал он. – Жаль, среди моих книг нет любовных романов, вам будет скучно.

Аурика наморщила нос.

– Мне не нравятся любовные романы, – призналась она. – Я люблю... Энциклопедии люблю. И книги по истории. И... и физику, – выдохнула Аурика шепотом.

Ей стало стыдно, она не знала почему.

Дерек вновь улыбнулся и поднялся из-за стола, оставив недоеденный десерт.

– Таких книг здесь в избытке, – произнес он. – Моя комната – на втором этаже.

Несмотря на то что в доме было сильно натоплено, Аурика чувствовала озноб с той минуты, как вышла из-за стола.

Она провела вечер за книгой в спальне и, когда часы пробили девять, решила, что пора готовиться к работе. Новая сорочка и белье, которые она взяла без примерки, понадеявшись на опыт продавщицы, подошли просто идеально. Посмотрев в зеркало, Аурика увидела бледную испуганную девушку, похожую на привидение. Включив маленькие лампы по обе стороны широченной кровати, Аурика нырнула под одеяло и снова раскрыла книгу, держа ее перед собой, словно щит.

Аурика была уверена, что сегодня произойдет то, о чем она читала в старой отцовской книге. Конечно, Дерек Тобби заверил, что не собирается покушаться на ее честь, но теперь, когда за окнами была тьма, а в углах просторной комнаты возились тени, Аурика не верила обещаниям, данным при свете дня.

Зачем ему девушка в постели? Посадил бы рядом с кроватью того заботливого парня, он бы справился не хуже. Так нет же, именно девушка нужна.

Аурика понятия не имела, как все будет. Одно дело – по секрету, с затаенной дрожью сердца и торопливым любопытством читать о плотской стороне любви и совсем другое – сидеть на кровати и ждать неминуемого. Лишь бы это не было больно – Аурика плохо переносила боль и едва не падала в обморок даже от пустячного пореза.

Когда наниматель вошел в комнату, Аурика готова была расплакаться от стыда и страха.

– Что за книга? – поинтересовался он, пройдя к шкафу.

Аурика зажмурилась и уткнулась лицом в колени.

Послышался шелест одежды. Что-то стукнуло – должно быть, хозяин повесил на вешалку в шкафу сюртук и рубашку.

– Это «Жизнь животных», – глухо откликнулась Аурика.

Молчать было невежливо, а вежливость – оружие леди, единственное оружие, которое у нее осталось. Она услышала шаги, и кровать дрогнула под весом человека, который подошел и опустил на ее край.

– Аурика, посмотрите на меня, – мягко попросил бывший министр. – Пожалуйста, посмотрите на меня.

Аурика шмыгнула носом и подняла голову. Дерек Тобби, уже успевший переодеться в светло-серую пижаму из тонкого хлопка, сидел на своей стороне кровати и смотрел на нее настолько открытым и честным взглядом, что Аурика едва не разревелась в голос.

– Еще раз клянусь вам, – произнес бывший министр с такой подкупающей откровенностью, что Аурика почти поверила ему, – что ваша честь останется неприкосновенной. Пожалуйста, поверьте мне. Я не собираюсь использовать вашу беду в грязных целях.

Аурика всхлипнула и кивнула. Он улыбнулся и с усталым вздохом опустился на кровать. Лампа с его стороны кровати погасла, и в комнате сразу стало темнее и как-то уютнее, что ли. Все страхи осторожно сделали шаг назад – не ушли, нет, но отступили.

– Доброй ночи, – проговорила Аурика.

Твердый уголок книги впился в ее ладонь чуть ли не до крови, но она не замечала этого. В конце концов, ее работодатель – мужчина с деньгами и связями. Наверняка у него нет недостатка в женском внимании. Зачем ему такая, как Аурика? Совершенно незачем.

– Доброй ночи, – откликнулся господин Тобби. – Начну ворочаться – просто потрясите меня за плечо.

– Хорошо, – кивнула Аурика и открыла книгу на рассказе о том, как полярные медведицы выкармливают детенышей.

Ей все еще казалось, что ее загоняют в ловушку, но ловушки, похоже, не было. Либо она была спрятана так, что пока Аурика не видела капкана.

Он заснул почти сразу и до полуночи не шевелился – Аурика успела дочитать «Жизнь животных» и взяла еще одну заранее приготовленную книгу – «Возникновение мира и человечества». Когда-то она просила родителей подарить ей эту книгу на день рождения, но мать купила очередное платье и набор для вышивания... У бывшего министра была большая библиотека – это оказалось тем немногим, что смогло обрадовать Аурику.

В доме царила сонная тишина, и, изредка бросая взгляд в окно, Аурика видела, как вокруг рыжего пламени фонаря ленивыми мушками вьются снежинки, – начиналась метель. Сейчас она могла бы лежать на продавленной койке в своей съемной комнате и слушать завывание ветра, напрасно пытаясь согреться под дырявым одеялом. Но комнатуха на чердаке осталась в прошлом – Аурика надеялась, что навсегда. Вернуться туда – все равно что умереть.

Часы в гостиной пробили двенадцать. Аурика подумала, что надо бы навестить уборную, и в этот момент бывший министр резко ударил кулаком по кровати и отчетливо произнес:

– Дьяволыщина.

Аурика вздрогнула – вот, кажется, и работа началась. Склонившись над спящим и заглянув в красивое бледное лицо, искаженное страданием, она слегка потрясла нанимателя за плечо и ласково промолвила:

– Господин Тобби, вы спите. Это сон. Это просто сон.

Он глубоко вздохнул, перевернулся на бок, и Аурика поняла, что сделала свою работу так, как и полагалось. Выждав несколько минут и убедившись, что кошмар прошел и Дерек спит спокойно, Аурика выскользнула из-под одеяла и пошла в уборную, примыкавшую к спальне.

Зеркало над маленькой раковиной отразило красивую молодую женщину, но измученную и с темными тенями под глазами. Сполоснув руки, Аурика подумала, что все наладится. Должно быть, ловушки действительно не было. А отсыпаться она сможет и днем.

– Сдохни, – произнес господин Тобби в спальне тихо, но отчетливо. – Сдохни, тварь!

Аурика бросилась назад и, забравшись на кровать, снова погладила Дерек по плечу.

– Это сон, сон, – промолвила она так, словно говорила с ребенком. – Я тут, я с вами. Это сон.

Лицо бывшего министра дрогнуло, и на нем появилось спокойное, почти умиротворенное выражение. Страшные тени, терзавшие его, отступили. Аурика вздохнула с облегчением и вновь взялась за книгу.

Метель за окном постепенно становилась все сильнее, снежинки из мушек стали растрепанными птицами, а воздух в спальне медленно, но верно остывал. Когда часы пробили три, Аурика уже чувствовала, что замерзает.

Куда истопник-то смотрит? Или с учетом послезавтрашнего переезда он решил облегчить себе работу? В конце концов, она не собирается спать. Она просто ляжет под одеяло, укутается как следует. Никакого сна, ни в коем случае. Ей платят не за сон. Аурика опустила голову на подушку, укрылась одеялом и подумала, что в комнатухе на чердаке сейчас наверняка гуляет стылый ветер, а в щели залетают снежинки. Интересно, кто будет там жить после Аурики? Какая неприкаянная душа?

Следующим, что она почувствовала, было прикосновение – кто-то легонько щелкнул ее по носу. Она встрепенулась и увидела, что за окном разливается серый утренний свет. Господин Тобби уже не спал – он лежал, приподнявшись на локте, и с лукавым интересом смотрел на Аурику.

– Боже мой, я заснула... – испуганно прошептала она и сразу же села. Надо же было так опростоволоситься, ей ведь платят за то, что она бодрствует, а не сопит до утра. – Дерек, простите. Простите, пожалуйста, я не должна была...

– Все в порядке, – ободряюще произнес наниматель. – Спасибо вам, вы все сделали правильно. Удалось отдохнуть?

– Удалось, – промолвила Аурика. То, что ее не будут ругать, не могло не радовать.

– Ну так что, вы согласны работать на меня и дальше?

– Согласна. – Она кивнула и подумала, что ей, возможно, очень сильно повезло.

Дерек улыбнулся, и его правая рука дрогнула, словно он хотел дотронуться до Аурики, но передумал.

– Тогда можете еще вздремнуть, если хотите, – сказал он. – А у меня свои заботы.

Главной заботой Дерек Тобби, похоже, была наполненность графина с коньяком. Когда спустя несколько часов Аурика умылась, переоделась и спустилась в гостиную, то увидела, что хозяин дома с угрюмым видом сидит в кресле, давешний паренек в сером суетится рядом, раскладывая на столе серебряные пластинки артефактов, и мрачно приговаривает:

– Вы же знаете, что лучше не пить, когда убираем все, что выпито вчера.

Господин Тобби кивнул. Покачал в ладони бокал. Приложился к нему так, словно там была ключевая вода. Аурика подумала, что ей, пожалуй, стоило остаться в комнате.

– Знаю, – вздохнул наниматель. – Дал зарок Пресвятой Деве, что брошу пить, когда уеду. Но я еще не уехал.

– Наверное, решили оторваться за все годы, – проворчал паренек.

Белобрысы вихры на его макушке торчали дыбом – видно, от забот.

– Помолчи, Игорь, – посоветовал Дерек Тобби, покосился в сторону, увидел Аурику и сказал: – Вам лучше пройти сюда, отдача будет направлена в вашу сторону.

Аурика послушно прошла по гостиной и села на краешек кресла. Вихрастый Игорь бросил на нее пристальный взгляд.

– Вы правильно дали зарок, ваша светлость. Незачем барышне смотреть на всякую пьянь. – Он выложил последний артефакт и пробурчал: – На счет три... Три!

Над артефактами закурился голубой дымок, и бывший министр, поморщившись, прижал пальцы к вискам, словно у него заболела голова. Он сидел так несколько минут, а потом артефакты угасли, и Дерек твердо произнес:

– Неси, – и, взявшись за бокал, показал, что именно нужно принести. Игорь снова демонстративно закатил глаза.

– Не за тем вытрезвляли, – сказал он и принялся собирать серебряные пластинки. В гостиной пахло горелым. – К вам через час господин Штольц придет, то-то он обрадуется, что вы с утра на бровях. Это ему прямо именины сердца. Давайте порадуйте его напоследок.

Похоже, этому Игорю позволялось очень многое. Например, говорить неприятные вещи. Аурика испуганно ждала, что белобрысому устроят выволочку, но господин Тобби понимающе кивнул.

– Штольц – та еще тварь. А ведь тебе с ним работать.

Игорь только рукой махнул:

– С вами-то я сработался. И с ним справлюсь.

Аурика догадалась, что этот Штольц – новый министр инквизиции, который сейчас устраивается в кресле Дерека Тобби. Почему-то ей снова стало жаль своего работодателя. Кто-то делает карьеру, а кто-то все теряет и пьет по-черному. Это только в книгах джентльмены выпивают один бокал шипучего за всю жизнь. На самом деле все было иначе – на примере собственного отца Аурика успела в этом убедиться.

– Вы бледны, – проговорила она, когда Игорь вышел, унося ларец с артефактами.

Дерек кивнул и разочарованно заглянул в пустой бокал, словно все-таки надеялся обнаружить там спиртное.

– Вы тоже, – сказал он и, чуть ли не извиняясь, объяснился: – Не обращайтесь внимания, Аурика, это скоро кончится и больше не повторится. Я очень редко пью и не напиваюсь до безобразного состояния.

Должно быть, ему хотелось все забыть. И жену, которую он до сих пор любил, и рухнувшую карьеру, и врагов, что радовались его поражению. Как говорил управляющий их дома, в вине лучше не топить проблемы – они, твари, хорошо плавают. Но Аурика не была уверена, что эту народную мудрость стоит сейчас доносить до Дерека.

– Вы ведь взрослый человек, – сказала она. – Опытный, бывалый. Вы сами знаете, что и как надо делать.

Бывший министр пристально посмотрел на Аурику, и на его лице появилось отдаленное любопытство, словно девушка заинтересовала его больше, чем следовало.

– Вы не собираетесь меня жалеть, – твердо сказал он. – И это правильно. Бывает такая жалость, которая убивает.

В гостиную заглянула служанка. Дерек мрачно посмотрел на нее, и та, ойкнув, скрылась.

– Вас часто жалеют? – спросила Аурика.

Все это было неправильным. Вся ситуация была, как в романе. Ну не могут едва знакомые люди говорить друг с другом настолько откровенно... Впрочем, отчего бы и нет? Тем более они провели ночь под одним одеялом.

Аурика признала, что Дерек невольно располагает к себе. Улыбчивый, несмотря на сердечную боль, доброжелательный и понимающий – с ним хотелось быть искренней и говорить, ничего не скрывая. Возможно, у него тоже были особенные способности.

– Иногда случается, – с нарочитым равнодушием ответил бывший министр. – Но я всегда был уверен, что жалеть стоит тех, кто стал жертвой обстоятельств и ничего не мог изменить, даже если очень хотел и старался. А я не жертва. В том, что со мной произошло, никто, кроме меня, не виноват. Я сам разрушил все, что было мне дорого.

Некоторое время они смотрели друг на друга, и Аурика поняла, что лучше ей сейчас улыбнуться, извиниться и уйти в библиотеку на весь день или лечь спать перед новым ночным дежурством, чтоб лишний раз не попадаться на глаза Дереку. Он был с ней слишком откровенен и, похоже, теперь начинал стыдиться этой откровенности.

– Я полагаю, что вы сможете все исправить, – миролюбиво промолвила Аурика.

Дерек натянуто улыбнулся.

– Не сомневаюсь, – ответил он и вдруг добавил: – Спасибо.

Аурика решила не уточнять, за что именно ее благодарят.

Вторая ночь прошла так же, как и первая, но Аурика боялась уже намного меньше.

Дерек добрался до спальни поздним вечером, и Аурика с облегчением заметила, что он трезв, пусть и с трудом скрывает раздражение. Когда он шел в комнату, то что-то пнул по пути: Аурика услышала грохот, звон разбитого стекла и досадливый возглас ассистента. Должно быть, верный Игорь спрятал все спиртное в доме. Видимо, что-то такое отразилось на лице Аурики, потому что Дерек хмуро поинтересовался:

– Что-то не так?

– Все так, – быстро ответила Аурика. Чутье подсказывало, что бывший министр может быть очень скорым на расправу, а вылететь из теплого дома на выстуженный чердак ей хотелось меньше всего. В родительском доме Аурика в совершенстве овладела искусством быть милой, скромной и тихой, чтоб не вызвать лишнего гнева. – Задумалась над книгой, тут очень интересный раздел о красных лисах.

И она предъявила «Большую энциклопедию млекопитающих Хаомы», над которой провела весь день. Дерек усмехнулся и пошел к шкафу.

– Как мило, – сказал он, открыв дверцу и встав так, чтоб Аурика видела только часть его плеча и руки. – Похоже, вам нравится моя библиотека.

Его голос потеплел, словно Дерек тоже ждал от нее какого-то подвоха и обрадовался, не обнаружив его. А вот Аурика вспомнила, что родители очень скептически относились к ее любви к чтению. Девушка не должна быть слишком начитанной – от этого у нее заводятся странные мысли, которые не способствуют ни скорому выходу замуж, ни особенной любви супруга. Отец прямо говорил: «Не умничай», – а мать добавляла: «Бабий ум – с косу!»

– Очень нравится, – призналась Аурика.

Работодатель переоделся, сел на свою часть кровати, и Аурика увидела в его руках несколько смятых листков, которые могли быть только письмами.

– В Эверфорте у меня тоже много книг, – сказал он. – Вам не будет скучно.

– Это не может не радовать, – улыбнулась Аурика.

Около четверти часа Дерек перечитывал письма, не продолжая разговора. Аурика тоже молчала: как и все благовоспитанные девушки, она в совершенстве владела искусством не привлекать к себе внимания, когда это требовалось. Потом легкий шелест бумаги постепенно стих, и, обернувшись к своему работодателю, Аурика увидела, что он заснул. Письма выпали из его руки на одеяло, и Аурика против воли прочла:

«Дорогая Вера!

Я не знаю, как начать это письмо. Мне слишком много надо тебе сказать, и я – вот незадача! – не знаю, с чего начать. Я вообще не имею права писать тебе, давно уже чужой. Да и была ли ты моей по-настоящему?»

Аурика смущенно отвернулась. Читать чужие письма – это гадко и непорядочно, и леди никогда так не поступают. Но ведь она и не читала, просто случайно посмотрела и не хотела ничего плохого. Он написал это, должно быть, бывшей жене, кому же еще можно писать с такой сердечной болью и искренней горечью потери...

Несколько минут Аурика внимательно читала о самернийских волках, а потом все-таки не вытерпела и обернулась к разбросанным по одеялу листкам. Она ведь не сует нос в чужое дело, просто смотрит. Смотреть-то ведь можно – а то, что попутно утоляется любопытство, уже детали. В конце концов, она имеет право узнать побольше о человеке, с которым лежит под одним одеялом. Хотя бы ради собственной безопасности.

«Вера, неужели это действительно все? Или я должен был быть жестче? Не позволять тебе уйти к тому человеку, которого ты любишь и любила еще до того, как в твоей жизни появился я, а посадить тебя в клетку и тешить себя надеждами? Да какие надежды, ты просто была бы рядом, и мне хватало бы этого за глаза. А в благородство пусть играют другие, те, кто не любит».

Буквы были острыми и ломкими, словно написаны пьяной рукой. Да Дерек наверняка и был пьян, когда писал это.

«Ты и понятия не имеешь, Вера, во что я превратился без тебя... Да и к счастью, должно быть. Жалеть меня незачем. Но я бы все отдал за еще один день с тобой, за час, за минуту. Но ты давно выбросила меня из головы, и письмо ничего не изменит. Я и не отправлю его. Сложу в стопку к остальным и в очередной раз скажу себе, что довольно валять дурака. Что надо наконец-то взять себя в руки, успокоиться и больше никогда не...»

Дерек шевельнулся, и Аурика едва не отпрыгнула от него. Бывший министр что-то негромко пробормотал – Аурика не разобрала слов. Она осторожно дотронулась до его плеча и промолвила:

– Это сон, Дерек, сон. Вы спите. А я здесь, с вами.

Лицо работодателя дрогнуло, морщина на переносице разгладилась. Аурика вновь открыла книгу и стала вчитываться в очередную статью энциклопедии. Чужие письма больше не притягивали к себе – она и так заглянула дальше, чем было нужно.

Часы пробили полночь.

Дерек поднялся в половине четвертого утра. Он небрежно сгреб письма, мрачно покосившись на Аурику, которая клевала носом над книгой, и спросил:

– Я сильно кричал, да?

– Вовсе нет. – Аурика улыбнулась, стараясь придать себе максимально спокойный и беззаботный вид. – Всего один раз.

Он пожал плечами, словно ожидал услышать другой ответ.

– Поспите часок, – угрюмо сказал он. – В шесть утра выезжаем.

Аурика отложила книгу на прикроватный столик, послушно опустила голову на подушку и закрыла глаза. Сквозь мгновенно накотивший сон она слышала шаги, плеск воды в ванной, а потом Дерек вышел из спальни, и в коридоре раздались негромкие голоса. Аурика села, повела носом: откуда-то отчетливо пахло гарью.

– Не пожар, – услышала она голос бывшего министра. – Это я спалил кое-какие бумаги.

Собеседник что-то пробубнил, и Дерек Тобби ответил:

– Игорь, неужели вы думаете, что я решил поджечь дом напоследок? Мне заняться, что ли, нечем?

Когда шаги и голоса стихли, она поднялась и заглянула в уборную. В металлическом ведерке под раковиной догорали письма. «Что ж, – подумала Аурика, включая воду, – это, пожалуй, хороший знак».

Дорога в Эверфорт заняла весь день. Они выехали ровно в шесть. На крыльце Дерек выпил последний бокал коньяка, обнялся с Игорем, и Аурика отметила, что молодой человек искренне расстроен. Потом за окнами экипажа замелькали темные столичные улицы, еще пустые из-за раннего времени, а потом столица осталась позади, и кругом потянулись тоскливые снежные поля и перелески. Аурика дремала в углу экипажа, укутавшись в шубу. Бывший министр, сидевший напротив, был занят: внимательно читал какие-то документы в темно-красной папке. Аурика из вежливости хотела было спросить, над чем он работает, но в итоге решила промолчать.

Зимнее путешествие – очень скучное занятие. За окном экипажа проплывали унылые заснеженные поля, так похожие друг на друга, что Аурике вскоре стало казаться, что они ездят кругами. Над белым одеялом полей иногда поднимались таинственные струи прозрачного пара и принимали человеческие очертания. Девушка в разорванном платье мчалась по снегу, простирая руки к экипажу, и от ее хрупкой фигурки веяло такой тоской, что хотелось расплакаться. Стоило Аурике всмотреться, как призрак ударялся о землю и рассыпался пригоршней брызг, чтоб потом, когда она отведет взгляд, снова подняться.

– Марьва, – объяснил Дерек. – Посмертный отпечаток заложной покойницы. Лучше не смотри на нее.

Аурика решила не уточнять почему. Даже на всякий случай задернула занавеску на окошке со своей стороны.

Прогноз погоды, который Аурика прочитала в газете перед отправлением, не обманул, мороз усиливался, и постепенно она начала мечтать лишь об одном: добраться до места назначения и сесть поудобнее.

На одной из станций возле экипажей бегал мальчишка-газетчик, несмотря на мороз, одетый в легкую клетчатую куртку, приметный знак профессии. Паренек размахивал белоснежными газетами и орал во всю глотку:

– Вангейнский убийца возвращается домой! Новый кошмар Эверфорта! Мастер сабель и колдовства снова дома! Вангейнский убийца вводит весь север в ужас!

На товар был спрос – большая часть сумки мальчишки уже опустела. Дерек купил газету, оставил сдачу, и довольный паренек побежал дальше. Когда экипаж вновь двинулся в путь, Аурика поинтересовалась:

– Что там пишут про кошмар Эверфорта?

– Про меня-то? – усмехнулся Дерек и прочел: – «По нашим данным, бывший министр инквизиции Дерек Тобби, известный крутым нравом и беспощадный к преступникам и политическим противникам, возвращается на историческую родину. Он получил известность не только во время недавнего кризиса власти. Дерек Тобби прославился тем, что в дни переворота, организованного Амикусом Мейерном, в одиночку вырезал штаб мятежников в Вангейне, включая самого Мейерна...»

Аурике захотелось стать как можно меньше ростом. Она вжалась в угол экипажа и испуганно подумала: неужели этот рафинированный джентльмен, кошмары которого она отгоняла уже две ночи, способен на массовое убийство? Собственноручно? Да такие тяжелее пера и папки с бумагами не поднимают и наверняка падают в обморок, увидев комара...

Дерек правильно оценил выражение ее лица и спросил:

– Я вас пугаю, да?

Аурика хотела соврать, но все-таки призналась:

– Да. Пугаете.

Сейчас она с трудом сдерживала желание выскочить из экипажа и убежать по сугробам неведомо куда. Работодатель свернул газету и бросил ее рядом с собой, затем откинулся на спинку сиденья и, задумчиво глядя в окно, произнес:

– А вы можете разговаривать с мертвыми. В каком-то смысле меня это тоже пугает. – Он помолчал немного и добавил: – Так что давайте не будем бояться друг друга и тогда поладим. Я бы очень этого хотел.

Должно быть, во взгляде Аурики было что-то, заставившее его добавить:

– Вы очень хорошо справляетесь с моими кошмарами. Даже дышится легче.

«Возможно, это потому, что письма сожжены», – подумала она. Некоторое время они смотрели друг на друга, и Аурика первой не выдержала этого молчаливого поединка. Она вежливо улыбнулась и спросила, словно ставила точку в разговоре:

– А можно мне газету?

Дерек улыбнулся в ответ, кивнул и вновь взял папку с бумагами.

– Не замажьте ручки, – сказал он. – Отвратительная печать, краска пачкает.

Передовица «Эверфортских вестей» была посвящена приезду бывшего министра. С дагеротипного портрета смотрел сдержанный и очень серьезный мужчина, настоящий государственный сановник, но истерический тон статьи говорил о том, что в Эверфорт едет самое страшное чудовище за всю историю города и горожанам лучше спрятаться куда-нибудь подальше.

Содержание второй страницы было похоже на роман ужасов. Аурика некоторое время вчитывалась в статью, а затем сказала:

– В городе происходят убийства девушек.

– Уже полгода, – равнодушно ответил Дерек. – Я слежу за делами на родине. Первый труп, помнится, нашли весной. Единственная дочь местного судьи. Кажется, собиралась выйти замуж.

– Обескровленный труп... – испуганно прошептала Аурика.

Бывший министр понимающе качнул головой:

– Бывает так, что маньяки копируют народные легенды. Что там пишут? Что в городе зверствует вампир?

– «Конечно, такие мысли смешны и нелепы в наш просвещенный век, но большинство горожан свято уверены, что в Эверфорте лютует упырь. Именно упыри ведут охоту на невинных дев, чья кровь утоляет их посмертный голод. Так, по крайней мере, гласит легенда», – прочла Аурика и добавила: – Да, во всем обвиняют вампира.

Дерек неопределенно пожал плечами. В сумраке наступающего раннего вечера он и сам напоминал мифического кровопийцу. С учетом того, что Аурика успела о нем узнать, горожанам следовало бояться не вампира, а вполне реального человека с обликом respectable джентльмена.

Они и боялись. Еще как боялись. Еще неизвестно, кто пугал их больше.

– Не тревожьтесь, Аурика, я не дам вас в обиду, – заверил бывший министр таким тоном, что стало понятно: если кровосос решит покуситься на девушку, ему не поздоровится. – В моей компании следует опасаться только меня, и то не каждый день. Вам не о чем беспокоиться.

– Жутко, – призналась Аурика, выглянув в окно.

Экипаж мчался среди заснеженных полей, и на холме впереди уже виднелись красные крыши города. Местность выглядела романтично, словно из старых сказок, и сложно было поверить, что где-то здесь обитает чудовищный убийца. Эверфорт, постепенно вырастающий из снегов и лесов, казался очень спокойным и мирным: разве подумаешь, что тут свирепствует упырь?

– Маньяка интересуют невинные девушки, – произнес Дерек тоном лектора на кафедре. – Он заиклен именно на этом. Невинность имеет для него особое значение. Плюс кровопускание... Возможно, это безумец, который представляет себя вампиром. Полиция, конечно, боится больше обывателей, расследование толком не ведут. Так всегда и бывает в таких краях.

Он вздохнул, с усилием стащил с пальца золотое колечко с крошечным изумрудом и вложил его в ладонь Аурики. Она оторопело посмотрела сперва на кольцо, а затем на бывшего министра, потому как сейчас растерялась окончательно.

– Что это значит? – спросила Аурика, чувствуя, как в животе сгустился ледяной ком.

Работодатель одарил ее очаровательной улыбкой и промолвил:

– Наденьте. Будем делать вид, что вы моя невеста, а не помощница, раз уж вам настолько страшно. Не думаю, что тогда кто-нибудь рискнет на вас покуситься, учитывая мою репутацию.

К щекам Аурики прилила кровь. Отхлынула и снова прилила. Ну, по крайней мере, он не предлагает защитить ее от упыря другим, простейшим способом. Уже хорошо.

– Мне ничуть не страшно, – уверенно сказала Аурика, стараясь не смотреть на раскрытую ладонь с кольцом. – И если вы решили, что я...

– Да ничего я не решил, – усмехнулся Дерек, но его взгляд остался прежним, тяжелым и мрачным.

– Я не трусиха, – нахмурилась Аурика.

Работодатель серьезно кивнул:

– Разумеется, нет. Вы спите в одной кровати с Вангейнским палачом, а это требует значительной силы духа, уж поверьте. А кольцо наденьте, пусть оно подкрепит ваше бесстрашие.

Некоторое время Аурика сидела молча, но потом подумала, что Дерек прав. Раз уж они приехали вместе, живут в одном доме и спят в одной постели, то гораздо лучше считаться невестой, чем шлюхой Вангейнского убийцы. Аурика надела кольцо на средний палец правой руки: среди положенных незамужней девушке серебряных перстеньков оно выглядело властным и чужим.

Что чувствует девушка, когда надевает кольцо, подаренное будущим мужем? Аурика вдруг поняла, что никогда не сможет этого узнать. Кто возьмет ее замуж после того, как она работала у самого Дерека Тобби? Никто. Понимание было ясным, не окрашенным другими чувствами. Аурика вздохнула и сказала:

– Что ж, пожалуй, вы правы. Девушка в доме мужчины выглядит предосудительно.

– Вот именно, – кивнул работодатель. – Не волнуйтесь. Я позабочусь о вашей чести.

Спустя полчаса экипаж въехал в Эверфорт. Глядя на старинные дома, двери, украшенные еловыми венками и новогодними шарами, и изящные фонари вдоль дороги, Аурика подумала, что это очень красивое место, наполненное волшебством, несмотря на все ужасные события последних месяцев. А ведь скоро Новый год, можно будет нарядить елку и пить горячий глинтвейн, купленный у улыбчивого лоточника... Сейчас страшная история о вампире казалась нелепой выдумкой, и, когда экипаж остановился возле двухэтажного дома, выстроенного в духе прошлой империи, Аурика забыла о том, что прочитала в газете. Именно такой дом был нарисован в ее детской книге сказок, и, выйдя вместе с Дерексом из экипажа, Аурика на мгновение поверила, что оказалась внутри истории на желтых книжных страницах.

Дворецкий и прислуга выстроились на крыльце, встречая хозяина. На Дерека и Аурику смотрели с уважением, за которым виднелся вполне узнаваемый страх.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – поклонился дворецкий.

Такой чопорный! Если бы Аурика встретила его в родных краях, то наверняка приняла бы за джентльмена, а не за слугу. Одна из служанок, пухлая веселая блондинка, которая с трудом сдерживала улыбку, толкнула под руку свою соседку, словно хотела что-то ей сказать. Аурика решила, что это наверняка по ее поводу. Невеста хозяина дома просто обязана вызывать разговоры и пересуды. Говорить, например, можно о том, как это родители отважились выдать ее за такого человека, как Дерек Тобби. Или о том, какая тьма скрывается за милым девичьим обликом.

Спальня на втором этаже оказалась чуть меньше, чем в столичном доме бывшего министра, но была обставлена с таким же изяществом и роскошью. Аурика устало опустилась в кресло и, стараясь не смотреть в сторону работодателя, который скрипнул дверцей шкафа и принялся расстегивать сюртук, сказала:

– Тут очень мило.

– Тут очень скучно, – усмехнулся Дерек. – Провинциальное городишко, в котором единственное развлечение – вампир. Когда вампиров нет – пиво. Любите пиво, Аурика?

– Терпеть не могу! – призналась она.

Сейчас ей больше всего хотелось избавиться от корсета, но она не могла переодеваться при нанимателе. Это было слишком бессовестным, даже несмотря на то, какой именно была работа Аурики.

– Я его тоже не люблю, но придется потерпеть, – вздохнул бывший министр и продемонстрировал Аурике белоснежную открытку с неровными червячками букв: должно быть, ее передал дворецкий. – Бургомистр приглашает нас на ужин. Без пива там, к сожалению, не обойтись.

Особняк бургомистра Говарда располагался в самом сердце Эверфорта, и Аурика ничуть этому не удивилась. Всякие приезжие могут жить на окраинах, а главе города такое не подobaет. Дом был большим, но каким-то приземистым и нелепым, как и его хозяин, обаятельный улыбчивый пузан огромного роста в напудренном по северной моде парике. Парик сидел слегка набекрень, словно бургомистр не очень-то заботился о том, как правильно его надевать.

– Дорогой мой друг! – Говард сразу же сцапал руку Дерека своими лапищами и затряс ее так, что Аурика испугалась: ведь такой медведь вырвет и не заметит! – А я все ждал, когда ты наконец оставишь столицу и вернешься в наши края!

– Говард, дружище. – Улыбка Дерека была такой сердечной и обаятельной, что Аурика стала сомневаться в причастности бывшего министра к Вангейнской резне. Мало ли какие сплетни сочиняют те, кому нечем заняться? Человек, который так улыбается, не способен убивать. – Ты не представляешь, как я счастлив тебя видеть!

Говард посмотрел на Аурику и лукаво поинтересовался:

– И с супругой?

Дерек Тобби кивнул:

– Поженились неделю назад. Аурика, дорогая, это Говард. Мой старинный товарищ.

«Значит, я уже законная жена», – растерянно подумала Аурика, удивляясь тому, насколько быстро миновала этап невесты. Говард выпустил руку Дерека и с невероятной деликатностью, попросту невозможной для его роста и комплекции, взял правую ладонь Аурики и осторожно поднес к губам.

– Здравствуйте, Аурика, искренне рад вас встретить, – произнес бургомистр, и Аурике показалось, что он действительно рад, настолько чистосердечно это было сказано. Выпустив ее руку, Говард хлопнул Дерека по плечу так, что тот заметно качнулся, и провозгласил: – Ну, дружище, не будем тратить время на политесы, там уже стол накрыт и поросенок стынет! Такого ты в своих столицах точно не попробуешь!

На столе бургомистра был не только поросенок, державший в пасти большое красное яблоко. Тушки куропаток с ягодами, розовые и белые пласты соленой рыбы, икра в хрустальных вазочках, украшенная завитками сливочного масла, овощи всех сортов, золотые ломти сыра – Аурика на мгновение растерялась от такого изобилия. Ее родители были обеспеченными, по меркам Запольских земель, но она никогда не видела настолько щедро накрытого стола.

Самым главным было мясо. Аурика насчитала не менее десятка блюд с говядиной и бараниной, помимо поросят.

Гостей было немного, всего дюжина. И дамы, и джентльмены были в возрасте и чем-то напоминали хозяина дома: то ли тяжелыми, оплывшими фигурами, то ли теми доброжелательно-лукавыми взглядами, которые бросали на Аурику. Из гостей выделялся только один: тощий долговязый мужчина, с виду – ровесник Дерека, одетый в полосатый сюртук. Лицо этого джентльмена, сидевшего напротив Аурики, хранило какое-то странное выражение, словно он страдал от геморроя или чего-то настолько же болезненного. Под его пристальным оценивающим взглядом Аурика тотчас же стушеввалась, почувствовав себя маленькой и жалкой.

Ей казалось, что долговязый раздевает ее взглядом. Стягивает платье, отбрасывает прочь корсет, словно скорлупку... Это было жутко.

Слуга положил на ее тарелку куропатку и ложку рубиновых, остро пахнущих ягод, а в бокале будто по волшебству появилось вино. Аурика взяла бокал за ножку, как учила мать, и подумала, что в статусе жены господина Тобби есть несомненные плюсы.

– Друзья! – провозгласил Говард, подняв громадный бокал вина. – Выпьем за наших дорогих гостей! Пусть Эверфорт станет для них настоящим гостеприимным домом!

Выпили. Напиток был отличным, но Аурика решила не пить много: ей предстояла бессонная ночь, и она не хотела снова все испортить. Дерек, едва пригубивший вина, склонился к ней и негромко произнес:

– Ешьте без опаски, мы у друзей.

Ужин был похож на те, что устраивали в родительском доме: несколько перемен блюд, разговоры о погоде и политике, тосты. Куропатка в сопровождении ягод буквально таяла во рту. Обещанное пиво лилось рекой, как, впрочем, и отменное вино.

Впервые за долгое время Аурика по-настоящему почувствовала себя в безопасности. Единственным, что ей по-прежнему не нравилось, был понижающий взгляд долгового джентльмена. Он по-прежнему смотрел в ее сторону настолько пристально и цинично, что Аурика окончательно растерялась, не зная, куда себя деть.

Разумеется, речь зашла и об убийствах, и Аурика поняла, что Дерек оказался прав, говоря, что вампир здесь единственное развлечение: о нем говорили с каким-то возбужденным страхом. Среди гостей оказался начальник полицейского управления Эверфорта, угрюмый тип, напоминавший разбуженного среди зимы гризли. Затеяливо крутя столовый ножик в пальцах, поросших темными волосками, он произнес:

– Это, несомненно, проделки слуг дьявола. Никаких улик, никаких подозреваемых, никакого сходства между жертвами, кроме невинности. Всех их находили мертвыми в запертых изнутри комнатах, полностью обескровленными.

– Господь Святой! – воскликнула одна из дам. – Макс, побойтесь Бога! Такие ужасы – и на ночь? Подумайте о наших бедных нервах!

– Ночь кишит ужасами, такова ее природа, – пробурчал полицмейстер, – и к ним надо быть готовым.

Долговязый джентльмен презрительно усмехнулся. С любопытством посмотрел на Аурику, словно хотел понять, как она отреагирует на историю о вампирах. Дерек положил себе очередную порцию золотистой щучьей икры и небрежно поинтересовался:

– И вы верите в вампиров, господин Макс? Верите в упырей и бабкины сказки в наш век самоходных экипажей и пересадки органов?

Полицейстер мрачно посмотрел на него и уверенно сказал:

– Да, верю. Я на своем веку насмотрелся на то, что пострашнее любых вампиров. Но нельзя отрицать: конкретно в этих делах замешана нечисть.

– Что ж, – улыбнулся Дерек, – тогда я помогу вам, если вы, разумеется, не против. Я, конечно, уже не министр, но по-прежнему остаюсь старшим советником инквизиции. А это дело, похоже, по нашему профилю.

За столом раздались громкие возгласы радости и облегчения. Дерек искренне благодарил, выражая полную уверенность в том, что убийце, кем бы он ни был, недолго осталось гулять на свободе. Даже долговязый джентльмен одобрительно улыбнулся, а полицмейстер чуть не бросился в пляс от счастья.

И только Аурика испугалась настолько, что прошептала:

– Дерек, не надо в это лезть.

Но ее никто не услышал.

Потом ужин закончился, и в ожидании кофе и десертов гости разошлись по гостиной, собираясь в небольшие группы для более личных бесед. Аурика и сама не заметила, как оказалась возле окна в компании долгового джентльмена, который поинтересовался:

– Значит, вы жена господина Тобби. Что, неужели настолько сладко греть постель мас-совому убийце?

Аурика задыхнулась от гнева и несколько минут растерянно смотрела на долговязого, не в силах подобрать слова для хлесткого ответа. Дерек стоял неподалеку с бургомистром и полицмейстером и, разумеется, ничего не слышал: незнакомец говорил негромко.

– Как вы смеете... – прошептала Аурика, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Вот только губы предательски задрожали, а к глазам подступила влага. Долговязый ободряюще усмехнулся:

– Ну, ну, будет вам кукситься, прелестное дитя. Я доктор Август Вернон, здешний анатом. Поскольку, так сказать, вожусь с человеческой сутью, то имею привилегию говорить правду. Итак?

– Вы просто бесстыжий тип! Бессовестный! – воскликнула Аурика. Пожалуй, ей тоже стоит говорить правду. – И раз уж на то пошло, я все расскажу мужу. Прямо сейчас.

– Что расскажете? – с улыбкой полюбопытствовал Вернон.

– Что вы тарасились на меня весь ужин, а потом говорили гадости! – выпалила Аурика. Щеки так и горели от стыда.

– Несомненно, обидные для чести леди, – расхохотался Вернон. – Привыкайте, сударыня, привыкайте, я в здешнем обществе единственный порядочный человек. Хам, грубиян и пьяница, но в случае надобности вы можете на меня положиться.

– Вот еще! Не собираюсь я на вас полагаться, – презрительно фыркнула Аурика.

Вернон снова усмехнулся:

– Конечно, вам и без того есть на кого положиться, как бы предосудительно это ни звучало. Похоже, вы к нам надолго. Вангейнский изувер заинтересовался делом этих покойниц.

Аурика посмотрела в сторону Дерека, который, склонив голову к плечу, внимательно слушал весьма эмоциональную речь полицмейстера, сопровождаемую широкими жестами, а затем поинтересовалась:

– Если вы анатом, то наверняка проводили вскрытие убитых?

В блеклом взгляде Вернона мелькнуло уважение.

– Юные леди теперь знают о вскрытии трупов? – спросил он.

– Юные леди много читают, – парировала Аурика. – Так что же показало вскрытие?

Лихое веселье покинуло доктора, его скуластое лицо стало серьезным, и он ответил:

– У нас есть профессиональная шутка: «Вскрытие показало, что больной умер от вскрытия». Впрочем, эти девушки в самом деле скончались от потери крови. Все шестеро. Вот здесь, – Вернон завернул манжету и продемонстрировал тощее запястье с выпирающими темно-синими венами, – были крошечные надрезы, через которые, собственно, они и лишились крови.

– И это в самом деле... – Аурика замялась. Теперь, поздним вечером, страхи становились реальными, обретали плоть, и ей не хотелось лишний раз называть их по именам. – В самом деле работа вампира?

Вернон ухмыльнулся. Аурика представила, как он режет мертвые тела, и ей показалось, что этот человек не видит разницы между живым и неживым. Для него существует только смерть, лишь она имеет значение.

– Что бы там ни говорил ваш драгоценный палач про технологии и прогресс, вампиры реальны, – сухо сообщил Вернон, и Аурике стало ясно, что он взволнован до глубины души. – И хуже всего то, когда скептический разум сталкивается с тем, чего не сумеет объяснить. Скажете – бабкины сказки, легенды, вымысел? Вздор, дорогуша! В наших краях запретные видения становятся ужасной правдой, и горе тем, кто с ней встретится и не будет готов к такой встрече.

Под конец монолога голос Вернона обрел горячую уверенность и пыл. Тем временем Дерек и Говард раскланялись с полицмейстером и отошли в сторону. Бургомистр выгля-

дел очень серьезным, но сквозь эту серьезность проглядывало облегчение, словно бывший министр снял с его плеч невероятную тяжесть.

– И как же бороться с вампирами? – спросила Аурика. – Если уж они свободно разгуливают по городу? Что делать, например, мне?

Вернон ослабился в неприятной ухмылке. «Пожалуй, увидев господина анатома, любой вампир убежит без оглядки», – подумала Аурика.

– Вам-то уж точно бояться нечего, дорогая, – произнес он. – Вампиры охотятся лишь на целомудренных дев... и теперь мы плавно возвращаемся к моему первому вопросу. Вы – такая юная, свежая, нежная. Как вы влипли в такой брак? Неужели родители не знали, кому вас продают?

Вернон сложил руки на груди и испытующе уставился на Аурику. Надавать бы пощечин по этой наглой физиономии, жаль, что Аурика не бойкая крестьянка, а леди. Крестьянка бы не робела.

– Не вашего ума это дело, доктор Вернон, – сухо сказала Аурика и шагнула было в сторону, но анатом мягким движением взял ее за запястье и притянул к себе.

– Неужели с маньяком так сладко спать? – весело спросил он, но его темные глаза оставались серьезными и даже злыми. – А ваш муженек – маньяк. Лютая тварь, которую только по недосмотру еще не посадили в клетку.

– Вы... вы отвратительны! – выпалила Аурика.

Вернон только хохотнул на этот нервный возглас.

– Настоящий упырь тут один. – Анатом кивнул в сторону Дерек. Бывший министр покосился в сторону Аурики, и та посмотрела на него таким взглядом, который мог значить только одно: отчаянную мольбу о спасении. – Вон стоит, красавчик. Холеная наглая мразь, у которой руки в крови не то что по локоть... эх!

Дерек, почуяв неладное, раскланялся с бургомистром и быстрым шагом приблизился к Аурике и доктору Вернону. Она с трудом подавила в себе острое желание взять его за руку: после разговора с Верноном чувствовала себя грязной, словно он толкнул ее в лужу. Ей хотелось почувствовать хоть какую-то опору.

«Какие глупости! – воскликнул внутренний голос. – Тебя прогнали из дому, ты спишь за деньги в одной постели с убийцей и еще хочешь к себе уважения? Смеешь его требовать?»

– Я вас узнал, – с подчеркнутой вежливостью промолвил Дерек, глядя Вернону в глаза: для этого ему пришлось слегка запрокинуть голову. – Не сразу, но узнал. Левенфосский порт, верно? Мятеж артефактора Смитсона. Почти сразу же после Вангейна. Чего вам спокойно не сиделось на ваших кораблицах...

На мгновение показалось, что Вернон готов броситься. Но анатом совладал с собой, в буквальном смысле слова взяв себя в руки, – сжал правое запястье левой рукой и равнодушно ответил:

– У вас отличная память, господин старший советник.

Дерек мечтательно прикрыл глаза и проговорил с невыносимо сладкой интонацией:

– Захотели поиграть во власть, а не вышло. Мятеж не может кончиться удачей, правда? Как там в песне-то поется? «Каждый четвертый был расстрелян, каждый третий прошел сквозь строй». Я вас помню, Вернон, вы выжили. Изумительная сила духа, только она вас и держала. Ведь мясо со спины сходило...

– Вы нанесли мне первый удар, господин старший советник, – глухо откликнулся Вернон. Его глаза потемнели, а осунувшееся лицо обрело мертвенную бледность, словно он мысленно вернулся в тот день, когда победители терзали побежденных.

Аурика читала о проходе сквозь строй в каком-то историческом романе и две ночи после этого не могла спать. Ее терзали кошмары похлеще тех, что выпали на долю Дерек.

Неудивительно, что Вернон так говорит. Неудивительно, что он ненавидит настолько яростно и неудержимо.

– Так полагалось. – Дерек пожал плечами. – Вам следовало подумать об этом прежде, чем забывать о присяге.

Вернон поджал губы и процедил:

– Боюсь, нам не о чем больше разговаривать, господин старший советник. Вряд ли мы станем друзьями.

Дерек понимающе кивнул и с тяжелой липкой вкрадчивостью произнес:

– Еще раз подойдешь к моей жене – отрежу гениталии. Зажарю с перцем и заставлю съесть. Жечь будет знатно и спереди, и сзади.

И у Аурики не осталось никаких сомнений – отрежет и зажарит. Бывший министр был не из тех, кто бросает слова на ветер. Ей почему-то стало легко от этого понимания. Очень-очень легко.

Глава 2

Господин старший советник

Местное отделение полиции состояло из семи человек, и они боялись вампира примерно в тысячу раз больше, чем заезжего инквизитора. Это было плохо. Сидя в кабинете, щедро выделенном ему полицмейстером, Дерек думал, что все должно быть наоборот. Семерым толстопузым господам следовало бояться его больше всех упырей на свете.

Вот полицмейстер, кстати, боялся. Настолько, что на время расследования взял и ушел в отпуск, от греха подальше. Благоразумное решение, даже очень. Лучше не маячить со своей трусостью там, где умные люди занимаются серьезными делами.

– Я ознакомился с результатами расследования, – дружелюбным тоном произнес Дерек, поддел пальцем крышку одной из папок и открыл ее, – и могу сказать только одно. Расследование не проводилось.

– Как же, ваша милость, – загудел один из полицейских, носивший погоны дознавателя. Судя по его физиономии, он чаще интересовался, как обстоят дела у пивного бочонка. – Расследование проводилось по всей форме. Свидетели опрошены, место преступления описано. А что там описывать? Известно, кто может в запертую комнату проникнуть, да хоть в замочную скважину.

– Неужели? – Дерек улыбнулся ему той самой улыбкой, от которой люди обычно шарахались и переходили на другую сторону улицы. – Тогда где ваши подозреваемые? Где убийца?

Сперва ответом ему было гробовое молчание – такое, что было слышно, как на первом этаже охранник прихлебывает кофе из чашки. Затем джентльмен, стоявший позади остальных, мрачно пробормотал себе под нос гулким басом:

– Не найдешь его, изверга. Давно в пещерах дьявола отдыхает.

От джентльмена разило сивухой так, что Дерек с трудом подавил в себе желание закусить.

– Сударь, подойдите ко мне, пожалуйста, – негромко проговорил он. Эти мужики в два раза выше его ростом пока не воспринимают щеголеватого гастролера всерьез. Что ж, пожалуй, пора преподать им урок. – Да-да, вы.

Он никогда не думал, что будет наводить порядок в Эверфортском полицейском отделении. Никогда не знаешь, какой сюрприз тебе подбросит жизнь и чем заставит заниматься.

– Ваша фамилия?

– Мавгалли. Максим Мавгалли, – проворчал любитель сивухи.

Дерек раскрыл папку на месте подписей тех, кто вел дело, развернул ее к полицейскому и попросил:

– Укажите, где ваша подпись, господин Мавгалли. Будьте любезны.

Полицейский прищурился и ткнул толстым пальцем в одну из закорючек. Палец был отвратительным – с заусенцами, грязью под неровно обстриженным ногтем – и, когда этот палец захрустел и сломался в его ладони, Дерек испытал острое, почти физиологическое удовольствие, даже в паху сладко заныло.

Мавгалли рухнул на колени возле стола и тоненько завыл, прижимая к груди покалеченную руку. По запястью бойко струилась кровь, а сквозь вспоротую плоть торчали белые обломки кости – со своего места Дерек не видел их, но знал, что они есть. Коллеги несчастного Мавгалли дружно вытянулись во фронт, и их взгляды стали оловянными. Ни следа мысли, только слепая готовность подчиняться.

Вот теперь их накрыло правильным страхом – тем, который не парализует, а заставляет действовать.

– Господа, если вы собственноручно расписываетесь в своем непрофессионализме, то я так же собственноручно сломаю вам пальцы, – с прежней сладкой вежливостью сказал Дерек и добавил: – Для начала. По опыту я знаю: когда дело валят на упырей, русалок, Царя Небесного – это значит, что дело и не открывали. Что вы трясетесь от страха, словно какая-нибудь кухарка, а вашу работу должен делать, пожалуй, как раз Царь Небесный. А вы, трусливые уроды, будете напиваться!

– Страшно же, господин старший советник, – пискнули из угла. Туда забился самый молодой полицейский, огненно-рыжий, с широко распахнутыми голубыми глазами. – Господь свидетель, ужас неописуемый.

– Ваша фамилия? – спросил Дерек, не глядя в сторону рыжего.

– Гресян, господин старший советник.

– Идите сюда, Гресян.

Рыжий послушно вышел из-за расступившихся коллег и оттеснил воющего Мавгалли от стола.

– Вы лично видели убитых девушек? – поинтересовался Дерек, задумчиво поигрывая обгрызенным пером, которое машинально взял с подставки.

Действительно, глухомань – писать нормально и то нечем.

– Так точно. Белые все, лежат в чем мать родила, а на руке, – Гресян задрал голубой форменный рукав чуть ли не до плеча и потыкал пальцем в запястье, – вот тут... след от зубов! И двери закрыты изнутри, и следов нет. И собаки воют и скулят... ну вон как Мавгалли примерно. Я им: «След!» А они воют.

Кто-то нервно хихикнул. Дерек скользнул по собравшимся тяжелым равнодушным взглядом, и полицейские вытянулись во фрунт еще старательнее.

– Даю вам час, – произнес Дерек. – Вновь опрашиваете родственников, соседей, всех, кто мог что-то видеть и слышать. С отчетом – ко мне. И если в отчете снова будут ссылки на нечистую силу, каждый лишится пальца. Потому что на службе надо не в носу ковырять, а дело делать.

– Простите, господин старший советник. – Гресян испугался до того, что даже осмелел настолько, что отважился задавать вопросы новому начальству. – Разве колдовство, всякая там магия – это не по части инквизиции?

Дерек устало посмотрел на него – под этим взглядом полицейскому явно захотелось спрятаться куда-нибудь подальше и поглубже.

– Гресян, я-то тебе кто? Хвост собачий? Я и есть инквизитор, чего тебе еще? Святого архангела Михалы? Считайте, что вы всем составом проходите курсы повышения квалификации у старших товарищей по ремеслу, – произнес Дерек и посмотрел на часы. – У вас осталось пятьдесят минут.

Когда кабинет опустел, а топот на лестнице стих, Дерек опустил в кресло и подумал, что формально Гресян прав. Полиция занимается преступниками-людьми. Если в деле замешаны артефакторы или маги, то на сцену выходит инквизиция, и конкретно этим делом следует заниматься именно ей, разрешив полиции откланяться. Но Эверфорт, в котором не проживало ни одного артефактора, попал под программу сокращения и оптимизации, и единственное отделение инквизиции на весь округ было закрыто за ненадобностью.

Дерек устало подумал, что в этом есть и его вина. Надо было убедить государыню, что бдительность и осторожность нужны всегда, особенно в таких местах, как это. В отдаленных уголках силы зла обладают особым могуществом, и об этом не следует забывать. Надо было работать, а не упиваться собственным горем.

Но он узнал, что Вера снова вышла замуж, и упился в прямом смысле слова. До стрельбы по бутылкам в кабаках, обмороков и валяния в канавах. До опиумных притонов и борделей самого низкого пошиба, из которых его чуть ли не со слезами на глазах вытаскивал старина

Игорь. Конечно, недруги не дремали, государыня узнала про загул и настоятельно предложила министру инквизиции сменить обстановку и уехать в деревню. Личной аудиенции его не удостоили. Распоряжение об отставке прислали обычной почтой.

Вера, его обожаемая бывшая жена, наверняка ничего не узнала. Она была счастлива с новым мужем, которого любила задолго до того, как в ее жизни появилась пугающая неприятность по имени Дерек Тобби, так зачем лишать счастья любимую женщину? Пусть ей будет хорошо, птиц нельзя сажать в клетки, и прочее, и прочее... Что там еще говорят, когда пытаются оправдать свою глупость? Что насильно мил не будешь? Что не надо гнаться за теми, кто без тебя счастлив?

А надо было не играть в благородство. Надо было оставить свое своим. Дерек почувствовал, как сжалось сердце. С переживаниями пора завязывать. И пожалуй, дело об упыре – лучшее, что может предложить судьба.

Полицейские вернулись в его кабинет спустя полтора часа. В судорожно сжатых потных ладонях они держали исписанные огрызки бумаги – весь вид стражей порядка говорил, что они готовы вкалывать от зари до зари, как черные рабы на юге, лишь бы сохранить свои пальцы в целости.

Впрочем, Дерек не узнал ничего нового из этих огрызков. Одна из семей уехала в Дретт-форт, и в их оставленном доме никто не пожелал поселиться. Другие слово в слово повторили свои показания.

– Простите, господин старший советник. – Рыжий Гресян прискакал последним, споткнулся на пороге и едва не растянулся, и его бумажки также не добавили в дело ничего нового. – А как же он кровь-то вытягивает? Ну... если он все-таки не вампир? Следов крови на полу и мебели никаких. Ни капельки. А так-то там же все должно быть залито.

Дерек с мрачным видом пожал плечами.

– Скорее всего, использует артефакт, – произнес он, сердито подумав, что все-таки придется идти к анатому и допрашивать его без обиняков. – Где у вас тут прозекторская?

Гресян просиял, всем своим видом выражая готовность помогать. Дерек подумал, что из парня может выйти толк, конечно, если рыжий не увязнет окончательно в этом пьяном болоте.

– Разрешите проводить?

Анатомический театр Эверфорга располагался в двух кварталах от кладбища, и Дерек невольно признал разумность такого размещения. Вскрыли – и закопали. Он равнодушно относился к смерти – в конце концов, когда дважды заглядываешь за ее край, перестаешь думать о ней со страхом или пиететом, но посещение анатомического театра всегда вызывало в Дерекe не интерес, а какую-то брезгливость.

Гресян, видимо, пожалел, что вызвался сопровождать нового начальника. Когда они проходили по коридору мимо длинного-длинного шкафа, в котором, как в музее, были выставлены посмертные маски неизвестных людей – широкие, какие-то нелепые, с растянутыми ртами и вытаращенными глазами, то молодой полицейский качал головой, негромко поминая имя Господа и с трудом подавляя желание задать стрекача.

– Страшно, – услышал Дерек. – Кто его знает, что там, потом. И будешь лежать... вот так.

– Там нет ничего страшного, – бросил Дерек, сворачивая на лестницу, – прозекторская, судя по схеме возле входа, располагалась на втором этаже. – Тьма, и больше ничего.

– А вы откуда знаете, господин старший советник? – Голос Гресяна дрогнул.

– Умирал, – проронил Дерек и добавил: – Два раза.

Гресян ахнул и снова помянул Господа. Ну и помощничек, от каждой тени шарахается.

– Как вас зовут? – поинтересовался Дерек.

– Эд, – представился Гресян и тотчас же поправился: – Эдвард то есть.

– Эдвард, вы полицейский, а не кисейная барышня, – нравоучительно произнес Дерек. – Вы должны ворошить трупы с такой же легкостью, как это делает доктор Вернон. Это ваша работа в конце-то концов.

– Так нет у нас трупов, господин старший советник, – растерянно признался Гресян. – В городе убийств не было уже семь лет. Кошелек на рынке подрежут – и то событие. Я покойников-то увидел, только когда этот душегуб объявился. А до этого не видел никогда, и не видеть бы их...

– Да, это многое объясняет, – понимающе кивнул Дерек и толкнул дверь с простенькой табличкой «Доктор Август Вернон, анатом».

Кабинет Вернона был обставлен так, что Гресян сдавленно пискнул, изо всех сил стараясь не упасть в обморок. Дерек остался равнодушным: заспиртованные уродцы, змеи и лягушки, которые стояли в одном из шкафов, как на выставке, уже давно его не впечатляли. Его собственная коллекция колдовских диковин была раз в десять больше и богаче, чем это скудное провинциальное собрание. Доктор Вернон, восседавший с книгой за огромным письменным столом, оторвался от чтения, сдвинул очки на кончик носа и скептически поинтересовался:

– Что, уже пришли меня выхолостить? Я и шагу не сделал к вашей ненаглядной.

Дерек вспомнил, что именно Аурика услышала от бывшего корабельного врача, и подумал, что начинать надо не с гениталий, а с языка. За такие слова в менее цивилизованном обществе бьют морду.

– Мне нужны отчеты по вскрытию жертв упыря, – сухо произнес он. – Все шесть. Сейчас. Вернон усмехнулся и развел руками.

– Их нет, господин старший советник. Гресян! – обратился он к полицейскому, показывая, кто в этом кабинете настоящий хозяин положения. – Вы бы сели. Не дай бог, в обморок свалитесь.

На бледного Гресяна было страшно смотреть. Казалось, даже рыжий цвет его кудрей поблек.

– То есть вы не проводили вскрытие? – пугающе вкрадчиво осведомился Дерек. Он выдернул из-под стола табуретку, сел и представил, как сейчас выглядят шрамы на спине доктора, оставленные шпицрутенами. Должно быть, выражение его лица стало красноречивым, потому что физиономия Вернона мигом утратила ехидное выражение, и доктор миролюбиво произнес:

– Я проводил вскрытие, господин старший советник. Разумеется. И составил по четырем жертвам отчеты, как положено. Но месяц назад какая-то мразь из ортодоксов швырнула в окно архива бутылку с зажигательной смесью... Здешние ортодоксы меня не любят, прямо скажу. Полностью выгорел архив и часть прозекторской.

Значит, даже так... Ортодоксы действительно терпеть не могут ученых и врачей, считая, что незачем лезть в человеческие тела и менять в них то, что заложено Господом, но тот, кто швырнул именно эту бутылку, отлично знал, куда и зачем ее надо бросать.

Похоже, у упыря есть хорошие друзья в Эверфорте. Великое это дело – хорошие друзья. Особенно те, которые обладают дорогими артефактами.

– А еще два трупа? – осведомился Дерек, стараясь не подавать виду, что не поверил ни единому слову про ортодоксов.

– Родители жертв отказались от вскрытия, – сообщил Вернон, и Гресян сразу же закивал и с готовностью подтвердил слова врача:

– Да-да, было такое. Папаша Угрюм прямо сказал: «Только троньте дочку, я вам кишки на уши намотаю». Мы с ним и связываться не стали.

Кишки на уши. Каков затейник.

– А второе тело?

– А там матушка – ортодокс, – сообщил Вернон. – Сразу вся община поднялась, орали тут на площади весь день. Говорят, раз уж не можете поймать изувера, так хоть честь покойной не троньте. Ну и камни в руках наготове.

Да, Гресян явно недоговаривал, описывая Эверфорт как тихое и сонное болотце. Это был тот самый тихий омут, в котором водятся особенно зубастые черти.

– Они действительно были обескровлены? – спросил Дерек.

Вернон кивнул.

– Я бы сказал, что им выпустили кровь, как свиньям.

– В отчетах полиции говорится, что никто из шестерых не кричал, не звал на помощь. Их убили в полночь, а тела нашли только утром, – произнес Дерек. – Вы делали проверку на фармакологию?

– Разумеется. – Вернон вновь утвердительно качнул головой. – Все чисто, они ничем не были одурманены.

– Что ж, – вздохнул Дерек и поднялся с табурета, – благодарю за сотрудничество, доктор Вернон. Всего доброго.

Вернон выдавил из себя улыбку и вернул очки обратно на переносицу.

– Заходите в гости, господин Тобби. Буду рад.

Лучший городской пекарь, папаша Угрюм был здоровенным мужчиной, едва не задевавшим потолок лохматой башкой, и на появление Дерека отреагировал скептически скривленной физиономией.

– Это, что ли, *ты* следователь? Инквизитор?

– Я, – кивнул Дерек и, не дожидаясь приглашения, опустился на скамью перед прилавком, всем своим видом показывая, что не уйдет, не получив ответов.

Пекарня явно переживала не лучшие времена. Несмотря на прилавок, заставленный лотками со сдобой, тепло печей и умопомрачительный аромат свежей выпечки, было ясно, что пекарь просто плывет по течению, не заботясь о будущем. Пыль в углах и едва держащаяся на карнизе штора говорили об этом в открытую.

– Ты бы валил отсюда, – с нарочитым добродушием посоветовал Угрюм. – Подбери поздорову. У меня от столичных сморчков тесто скисает.

– Я ищу того, кто надругался над вашей Эммой, – проникновенно сказал Дерек.

Движение его руки в следующую секунду было легким и неуловимым: хлебный нож, лежавший на прилавке возле кассы, чиркнул Угрюма по левому плечу и вонзился в стену.

Форменный белый фартук пекаря, обрезанный слева, сиротливо повис на оставшейся лямке. Угрюм оторопело посмотрел на фартук, на нож, а потом перевел взгляд на Дерека.

Это было похоже на то, как рассерженный бык бьет копытом в пыли, готовясь кинуться. Конечно, папаша Угрюм, при его комплекции, вряд ли перемахнул бы через прилавок, но Дерек полагал, что при надобности эта громадина способна двигаться очень быстро.

– И я не сморчок, – с прежней проникновенностью произнес он. – Я просто меньше ростом, чем вы. Но это не мешает мне найти того, кто лишил вас любимой дочери. Сколько было Эмме, шестнадцать? Вышла бы замуж, родила вам внуков... А какой-то ублюдок взял и загубил ее. И вы сейчас не хотите мне помочь. Играете на его поле.

Пекарь хлопнул ладонью по прилавку, и в это время стукнула дверь и звякнул колокольчик – пришел покупатель. Дерек слегка покосился в его сторону: женщина в шубке. Папаша Угрюм махнул ладонью по лицу и дрогнувшим голосом спросил:

– Проходи, дочка, ты чего хотела-то?

– У вас тут просто такой вкусный запах, на всю улицу, – сказал знакомый голос. Дерек обернулся и увидел Аурику, снимающую рукавички. – Захотелось чего-нибудь...

Она увидела Дерека и растерянно умолкла, словно эта неожиданная встреча была ей неприятна. Он вздохнул, поднялся со скамьи и сказал:

– Добрый день, дорогая.

Девушка опустила глаза и едва слышно откликнулась:

– Добрый день, Дерек.

Папаша Угрюм, который вытащил из-за прилавка корзину со сдобой, смерил Дерека и Аурику придирчивым взглядом и произнес:

– Вот, дочка, таких завитушек и у королевы не поешь. Ты с ним, что ли? – Он мотнул головой в сторону Дерека.

– Да, – ответила Аурика. – Это мой муж.

– Вот, значит, как... – вздохнул Угрюм. – Вот и Эмми моя... эх!

Он махнул рукой и поджал губы, стараясь успокоиться. Его покрасневшее лицо болезненно дрогнуло. Дерек взял Аурику за руку – девушка пришла очень вовремя. Угрюм с удовольствием намял бы бока столичному франту, но ровесница дочери внезапно тронула его до глубины души.

– У нее горница была на втором этаже, – едва слышно произнес Угрюм. – Я-то сам, считай, неграмотный. Ну, имя свое написать могу, прочитать там что-то по складам. А она, голубка моя, всегда была тихая, слабая – к какой работе ее приспособить? Не тесто же месить... Я и говорю ей: Эмми, учись. Жизнь вон какая стала, быстрая. Ученый человек всегда дорогу найдет, ученая жена мужу поможет. Книг у нее было видимо-невидимо, она из столицы выписывала, я на книги никогда денег не жалел. Бывало, сяду вечером после работы, а она мне читает. То сказки, то про животных, то про артефакты эти, прости господи. Век бы слушал...

Он снова провел ладонью по лицу и, выйдя из-за прилавка, повесил на двери табличку с надписью: «Пекарня закрыта». Дерек подумал, что, возможно, эту табличку сделала покойная Эмма – пекарь дотрагивался до картонной полоски с такой осторожностью, словно это была святыня.

– Это ведь я ее нашел. Утро уже, давно пекарню открыл, а она все не спускается, – продолжал Угрюм. – Постучал к ней: Эмми, дочка, что такое? Нет, тишина. Ну, дверь-то я плечом высадил, а Эмми на полу лежит. Ну зачем он так с ней, за что?

И тогда Аурика сделала то, что поразило Дерека до глубины души, – она подошла к пекарю и обняла его.

– Ничего не говорите, – промолвила она. – Больше ничего не говорите, не надо. Просто поплачьте. Теперь можно.

Дерек дождался ее на улице: Аурика вышла примерно через полчаса, неся в руке бумажный пакет со свежей сдобой. Лицо ее покраснело и припухло, под глазами залегли тени, а ресницы слиплись острыми длинными стрелками. Некоторое время они молча шли рядом, потом Дерек сказал:

– Не удивляюсь, что мертвый управляющий вашего имения заговорил именно с вами, Аурика. Вы невероятно добры.

– А вы нет? Он потерял единственное дитя, – чуть ли не сердито проговорила Аурика.

Дерек подумал, что за хмурым тоном голоса она скрывает искреннюю грусть и сочувствие.

– Да, но никто не захотел поплакать вместе с ним, – ответил он. – Только вы.

Он неожиданно поймал себя на мысли о том, что эта девушка неожиданно заняла слишком много места в его жизни. Сколько они знакомы? Четыре неполных дня и три ночи под одним одеялом, а кажется, будто вся жизнь прошла вот так, рядом.

– Вы так говорите, словно я сделала что-то предосудительное. – Аурика одарила Дерека острым взглядом из-под ресниц и тотчас же отвернулась. – А он рассказал мне, что у Эммы

были две ранки на запястье, и вся она была белая и холодная, говорил и плакал. Это так жутко, когда такой большой человек плачет, как ребенок...

Она поежилась, будто шубка не согревала. «Способность к некромантии часто возникает у гиперчувствительных людей, склонных приходить на помощь ближнему ценой собственного комфорта и покоя», – вспомнил Дерек параграф из учебника и сказал:

– Знаете, Аурика, пожалуй, у меня есть для вас дело.

Она тотчас же оживилась, и в ее глазах появился энергичный блеск. Глаза были красивые: темно-карие, с густыми пушистыми ресницами, как у олененка.

– Какое? – поинтересовалась Аурика.

– Я сегодня был у Августа Вернона, и он что-то темнит, – сообщил Дерек. Впереди появилась острая кость собора: сквозь распахнутые настежь двери было видно кандило, над которым парили звездочки свечей. Впервые за долгое время Дереку захотелось зайти в храм. Не отстоять службу, а... просто так. Зажечь свечу, окунуть пальцы в святую воду и дотронуться до лба.

Аурика поморщилась.

– Невыносимый человек! – воскликнула она.

Должно быть, Вера на ее месте сказала бы что-нибудь похлеще. Вера называла вещи своими именами и сказала бы, допустим, что доктор Вернон – выродок и скотина, какого белый свет не видывал.

– Согласен, – кивнул Дерек. Сколько можно вспоминать Веру? Его жизнь не крутится вокруг бывшей жены, в конце-то концов. – Несколько месяцев назад кто-то сжег архив здешнего анатомического театра. Вернон сказал, что это был ортодокс, который швырнул бутылку с зажигательной смесью. Но когда я сегодня подходил к зданию, то обратил внимание на следы по стенам второго этажа – такие оставляет только «Дымохлоп».

– «Дымохлоп»? – переспросила Аурика. – Что это?

– Взрывчатый артефакт. Архив уничтожили именно с его помощью. Отделения инквизиции здесь нет, значит, никто не заподозрит, что в деле замешана артефакторика. А на ортодоксов можно валить все что угодно, с них спроса нет.

Аурика понимающе качнула головой. Если Вернон действительно замешан в этом деле с вампирами, то Дерек сейчас просто подставляет ее под удар. Но, возможно, это был единственный способ докопаться до правды.

– А что от меня требуется? – спросила Аурика.

После небольшой паузы Дерек произнес:

– Пойти завтра на кладбище. Когда Вернон к вам подойдет, сделайте вид, что заблудились, и попросите его вывести вас. Он, конечно, спросит, что вы там забыли. Ответьте, что искали могилу Эммы, настолько вас тронуло горе ее отца.

Аурика остановилась и посмотрела на него так, словно он со всей силы залепил ей пощечину.

– И для чего это нужно? – спросила она и растерянно добавила: – И вообще... с чего вы решили, что он там будет?

Дерек вздохнул, смахнул снежинку с аккуратного воротничка Аурикиной шубы. Они остановились возле ступеней собора, Дерек сунул руку в карман пальто и нашарил несколько монет. Хватит и на свечу, и на подаяние.

– Я видел пометки в его ежедневнике, – сообщил он. – Войдите в доверие. И расскажите мне, что задумала эта сволочь. Он может невольно раскрыться перед красивой девушкой, которая к тому же его увлекла не на шутку.

К щекам Аурики прилил румянец, а глаза заблестели от гнева.

– Вы... – начала было она, задыхаясь от обиды. – Вы такой же невыносимый тип, Дерек! Дерек утвердительно качнул головой.

– Я даже хуже, – произнес он, – причем намного. Вы все сделаете?

В глазах девушки сверкнули слезы – она в самом деле готова была расплакаться.
– Сделаю, – в конце концов, кивнула Аурика. – Что еще мне остается?

Остаток дня она провела дома. Дворецкий, помогая хозяину избавиться от пальто, чопорно сообщил:

– Госпожа Тобби вернулась после обеда.

Дерек хотел было посоветовать дворецкому не напускать на себя такой важный и напыщенный вид, но не стал.

Он провел в церкви около часа – просто сидел на скамье, сцепив перед собой руки в молитвенном жесте, и ни о чем не думал. В голове было пусто и звонко, и Дерек не чувствовал ничего, кроме усталости. Священник, который вышел со стороны исповедальных кабинок, пристально посмотрел в его сторону – должно быть, ждал, что Вангейнский изувер явился на исповедь. Дерек ничего не ответил на вопросительный взгляд, и святой отец ушел.

Легче не стало. Нисколько.

В столовой его ждал накрытый к ужину стол. Дерек заглянул под серебряную крышку и подумал, что из-за невероятной усталости даже тонкий аромат филе лосося с травами не вызывает у него аппетита. В крышке мелькнуло его отражение: Дерек машинально дотронулся до небольшого шрама на верхнем правом веке и подумал, что любовь и дружба наносят самые сильные и глубокие раны. И эти раны никогда не заживают до конца. Как ты ни бейся и что ты ни делай – не заживают.

Аурика сидела в кресле возле кровати, уже переодевшись в халат и длинную сорочку до пят. В руке у нее, как обычно, была книга. «Неожиданно, конечно, – подумал Дерек. – Девушки читают книги, а не модные журналы».

Хотя, может, в провинции так принято, а его восприятие окончательно испортила столица? Вера, помнится, тоже много читала.

– Добрый вечер, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал максимально мягко и спокойно. – Как вы?

Аурика продемонстрировала ему обложку книги и ответила:

– Готовлюсь к выполнению вашего задания.

Дерек вопросительно поднял бровь. Девушка читала «Основы анатомии и физиологии». Прекрасный выбор для юной леди, еще и с иллюстрациями, от которых девицам и дамам положено падать в обморок.

– Как интересно, – произнес он, открыв дверцу шкафа и уже привычно встав за нее так, чтоб не смущать Аурику расстегнутым сюртуком. – Не страшно?

Помедлив, она ответила:

– Это человеческое тело, созданное Господом. Венец творения. Его нельзя пугаться.

Судя по ее порозовевшим щекам, она испытывала определенную дрожь, разглядывая внутреннее строение венца творения. Дерек расстегнул рубашку, посмотрел на белые рубцы шрамов, покрывавшие его грудь, и задумчиво прикоснулся к тому, который извивался прямо над сердцем. Вспомнил, как несколько лет назад корчился на земле, пытаясь удержать внутренности, что вываливались из развороченного живота и грудной клетки.

Красота, ничего не скажешь. Совершенство. Впрочем, только доктор Вернон способен оценить это совершенство по достоинству.

– Совсем-совсем не страшно? – уточнил Дерек. – Нисколько?

– Нисколько, – сердито ответила Аурика.

Протянув руку, Дерек снял с верхней полки коробку с артефактами, выбрал один из них и сказал:

– Тогда будьте так добры, помогите мне.

Когда он вышел из-за дверцы с артефактом в руке, Аурика медленно повернула к нему голову, наткнулась взглядом на шрамы, и румянец мгновенно покинул ее щеки. Рот приоткрылся, словно она хотела закричать от ужаса, но в итоге лишь вымолвила:

– Святый боже... Что это с вами?

Дерек сел на край кровати, вложил артефакт в мокрую от страха ладонь Аурики и ответил:

– Несколько лет назад в Королевском порту случился теракт. В результате у меня донорские сердце и легкие, которые работают от артефакта. Прижмите эту серебряшку мне между лопаток, у меня не получается нормально это сделать.

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Аурике спиной – там шрамов было намного меньше, всего два. Следы с ранней юности, когда ученика в инквизиторском мундирчике подстрелили бывшие приятели.

Аурика переместилась из кресла на кровать, вздохнула, собираясь с силами, и резко впечатала артефакт в спину Дерек. Ее пальцы были влажными и горячими, серебряная пластинка, как и полагается, – ледяной, и контраст заставил Дерек вздрогнуть. В следующий миг щупальца артефакта внедрились в нервную систему, начали перекачивать энергию, наполняя тело новыми силами, и Дерек почувствовал, как закружилась голова.

– Все так? – встревоженно спросила Аурика.

– Чуть пониже, – глухо ответил Дерек. Артефакт сполз на пару сантиметров, в ушах зашумело. Теперь еще полгода можно жить спокойно и не думать о том, что вот-вот встретишься со смертью в третий раз.

Это было нестрашно. Просто неприятно, так как нарушало привычное течение дел.

Наконец артефакт завершил свою работу и с легким чавканьем отсоединился от кожи. Теперь это просто кусок серебра, исчерченный рунами, линиями и точками. Можно отнести ювелиру и заказать украшение – хотя Дереку некого одаривать украшениями. Лучше положить в банковскую ячейку, как обычно.

– Спасибо, Аурика, – негромко поблагодарил он.

Она вздохнула, шмыгнула носом и откликнулась:

– Не за что.

Она не плакала, как показалось Дереку сначала. Просто сидела на кровати, красная, как помидор, растерянная – и за растерянностью были ясно видны злость и обида. Дерек натянул рубашку от пижамы, стремясь как можно скорее скрыть шрамы, и произнес:

– Аурика, что я могу для вас сделать, чтобы вы не смотрели так?

Она шмыгнула носом и отвернулась. Вновь взяла свою книгу, закрываясь ею, словно щитом.

– Как – так? – ответила вопросом на вопрос.

– Так сердито, – улыбнулся Дерек и нырнул под одеяло. – Я вас обидел, да?

Несколько минут Аурика молчала. Потом ответила:

– Нет. Не обидели.

– Вы порядочная девушка из благородной семьи, – с чувством произнес Дерек. – Но вас выгнали из дому. Вы умеете говорить с мертвыми и вынуждены работать на одного из самых страшных людей Хаомы. Причем эта работа невероятно предосудительна и, на ваш взгляд, порочна. Но идти вам некуда. Ни денег, ни друзей, ни дома. И поэтому вы остаетесь. Плачете, хотите сбежать, но остаетесь.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

– Я прав?

Ответа не последовало, и тогда Дерек ответил сам:

– Я прав. А, забыл добавить: вас еще и увезли в какой-то холодный город, где лютует серийный убийца. А ваш работодатель настолько безнравственный тип, что подсылает вас свести дружбу с главным подозреваемым.

Плечи Аурики вздрогнули, и она расплакалась, закрыв лицо ладонями. Дерек устало вздохнул. У него был богатый опыт интриг, оперативной инквизиторской работы, умения делать живое неживым, но вот опыта в утешении плачущих девушек он не набрался. Не довелось. Помедлив, он сел рядом с Аурикой и очень осторожно обнял и привлек к себе – так, что она уткнулась заплаканным лицом в его грудь.

Он думал, что девушка будет сопротивляться. Оказалось, что нет, Аурика была мягкой, податливой и послушной. Бери и делай, что хочешь.

– Пожалуйста, Аурика, – шепнул Дерек в каштановые растрепанные волосы, – просто поверьте мне. Я никому не дам вас в обиду – ни упырю, ни дьяволу, ни доктору Вернону. – Мысль, пришедшая ему в голову, была неожиданно резкой, как остро отточенное лезвие. – Хотите, дам вам денег, чтобы вы смогли уехать на юг, купить дом и жить припеваючи?

Расставаясь с Верой, он говорил что-то очень похожее. Что все будет хорошо, что он всеми силами души искренне желает ей счастья. Говорил и надеялся, что птица вылетит из клетки, а потом вернется. Но птица не вернулась, и Дерек не мог сказать, что заставило его сейчас говорить Аурике почти то же, что и Вере.

Она ведь не была его птицей. И клетки не было. И он меньше всего на свете хотел начать все заново.

– Не надо, – еле слышно промолвила Аурика.

– Что мне сделать? – с напором повторил Дерек.

Аурика вздохнула и откликнулась:

– Не пугайте меня больше. Пожалуйста.

– Не буду, – уверенно произнес Дерек и, выпустив ее, поднялся и пошел к шкафу. Свежая, идеально отглаженная рубашка сама соскользнула с вешалки ему в руки.

– Отдыхайте, Аурика. Вам надо выспаться как следует. Мне пришла в голову одна интересная идея... пойду ее проверю.

– Куда вы? – Аурика провела по щеке, стирая слезы. – Ночь на дворе.

Дерек выдавил из себя улыбку, надеясь, что она вышла легкой и беззаботной, и ответил:

– Доброй ночи. До завтра.

Заведение с зеленым фонарем возле входа, о котором вчера вскользь упомянул полицейский, выглядело вполне респектабельно. Становилось ясно: услугами здешних обитательниц пользуются приличные и порядочные люди – джентльмены, а не какая-нибудь подзаборная шваль. А что еще делать джентльмену, если его достойной супруге положено соглашаться на интимную близость не чаще раза в месяц?

Добропорядочные хаомийки даже жалеют шлюх. Бедняжкам приходится каждый день терпеть этих невыносимых мужчин с их мерзкими плотскими потребностями, да еще и разных, да еще и не по одному разу. Экое мучение!

Внутри все так же было на высшем уровне. Ковры, цветы, множество золотых финтифлюшек на стенах и запах южного игристого – дорогого, кстати говоря. Из-за дверей в комнаты доносились вполне недвусмысленные звуки – заведение пользовалось успехом и работало вовсю. Не успел Дерек взяться за пуговицу на пальто, как откуда ни возьмись появилась хозяйка, упитанная дама средних лет, которая, если судить по липкому пронизывающему взгляду, повидала столько, что иному хватит на четыре жизни.

– А вы совсем не страшный! – кокетливо заверила она, элегантно взяв Дерек за руку и увлекая к небольшой стойке с бокалами игристого и раскрытым грессбухом. – Право же,

господин Тобби! После того как вас описывали во всех газетах, мои девушки ждут не дождутся заполучить в гости такого изысканного джентльмена!

– Кого посоветуете? – поинтересовался Дерек. Хозяйка заведения слегка сморщилась, прикидывая варианты, и внезапно рявкнула так, что ей позавидовал бы прапорщик на плацу:

– Карина, Джелли! Мигом сюда!

Из ближайшей двери тотчас же выскочили две прелестницы. Одна, долговая блондинка, имела уставший вид – похоже, рабочий день у нее был в разгаре, вторая, брюнетка, едва достигшая совершеннолетия, смотрела на Дерек так, словно он только что выпрыгнул из пекла. Всю их одежду составляли полупрозрачные халаты до щиколоток.

– Эта. – Он устало ткнул пальцем в брюнетку, и та ойкнула и закусила губу.

Блондинка посмотрела на нее с ненавистью и пробормотала что-то нецензурное про тех, кто два дня как из деревни, а уже зарабатывает. Хозяйка томно прикрыла глаза и расплылась в улыбке.

– Замечательный выбор! Джелли – наша новенькая, всего неделю работает, но уже имеет успех.

Вот и хорошо.

Номер Джелли был на втором этаже. Когда они вошли в скромную комнату, похожую на обычную девичью горницу, а не на номер в борделе, то девчонка сразу же забилась в угол. «Неудивительно для недели работы», – устало подумал Дерек и принялся расстегивать сюртук. Джелли медленно, словно ее тянули за поводок, развязала пояс халата, и легкий шелк соскользнул вниз.

Она была красивой. Стройная, но без костлявости – у нее еще сохранился подростковый жирок на боках и бедрах. Грудь была большая, с темными крупными сосками. Дерек поймал себя на мысли, что смотрит на девчонку как на кусок мяса, который надо разделить для обеда. Ни малейшего чувства вожделения – перед ним было просто глупое мясо, которое тряслось от одного его вида.

Все его вожделение ушло вместе с Верой. Осталась только раздражающая механика возвратно-поступательных движений с такими вот продажными красавицами, которая не приносила ни исцеления, ни забытья.

Поняв это, Дерек опомнился и с борделями завязал. Игорь, помнится, был очень этому рад.

– Боишься вампира? – спросил Дерек.

Джелли содрогнулась всем телом, словно ее ударили. А ведь ее действительно били – синяк на бедре, не сразу заметный в полумраке комнаты, напоминал след от каблука. Вот за что добропорядочные хаомийки должны жалеть шлюх... Возможно, эта Джелли и выбрала такую работу, чтоб преодолеть свой страх, обрывки которого сейчас чувствовал Дерек.

– Боюсь, – прошептала она. – Вы вампир, да? Мне-то незачем уже, а все-таки... Поди знай, чего нечисти надо.

– Я гораздо хуже, – усмехнулся Дерек и устало сел на кровать.

Все было как всегда после активации нового артефакта: сначала пришли легкость, эйфория и уверенность, что ты способен свернуть горы, а потом нахлынуло полное опустошение. Джелли смотрела на него, и ее губы дрожали.

Дерек вздохнул, вытянулся на кровати и произнес:

– Я собираюсь спать. Только спать, ничего больше. Разбуди меня в шесть утра. Буду ворочаться – толкни.

Кажется, Джелли изумленно ахнула, но это уже не имело значения.

Глава 3

Кладбище

Мавмуд, лежавший в гробу, казался тихим и спокойным. Стоя возле гроба, Аурика смотрела на него, не желая сдерживать слез. Вот и ушел их управляющий, громогласный добрый дядька, который с одинаковым усердием занимался хозяйственными делами и чтением книг и с одинаковой легкостью мог при надобности запрячь лошадей и протереть тончайшие хрустальные бокалы. Когда Аурика была маленькой, он брал ее на руки, подбрасывал и пел какие-то детские потешки про цыплят и котов-котанаев, а она смеялась, замирая от восторга. И вот теперь Мавмуда не стало. Легочная жаба его не пощадила.

Аурика даже удивиться не успела, когда мертвец открыл глаза, повернул к ней голову и попросил:

– Барышня, мне бы сапоги другие. Новые у меня в сундучке лежат, под кроватью. Стыдно в Царствии Небесном ходить в стоптанных.

И Аурика так обрадовалась, что расплакалась еще сильнее, на этот раз – от счастья, от того, что ей дали возможность еще раз услышать слово от родного человека. Она даже задрожала всем телом – и не поняла этого.

– Хорошо, дядя Мавмуд, – сказала она. – Я сейчас... я сейчас принесу!

– Не плачьте, барышня, не надо. Не плачьте, хорошая моя, – попросил мертвец. Губы по традиции зашитые белой ниткой, не открывались, голос шел откуда-то извне. – Тут светло, хорошо, тут большой сад и ручьи. Только вот в стоптанном стыдно.

– Я принесу! – воскликнула Аурика и побежала в комнату управляющего.

Сейчас, неторопливо бредя по кладбищу, Аурика пыталась понять, чего хочет: то ли загубить склонность к некромантии навсегда, то ли, наоборот, развивать ее. Дерек ни словом не обмолвился о том, что способность говорить с мертвецами сейчас оказалась бы очень полезной, – Аурика и сама это понимала.

Эмма умерла совсем недавно. Аурика могла бы попробовать достучаться до нее – мертвая девушка дала бы описание своего убийцы, и все было бы кончено.

Но тогда она, Аурика, окончательно перейдет туда, куда переходить не следует. Родители выгнали ее из дому и отреклись просто потому, что она хотела выполнить последнюю просьбу человека, которому была как дочь.

А вот Дерек отнесся к ее истории совершенно равнодушно. Склонность к некромантии – ну да, бывает. Мало ли что еще бывает на свете?

Сейчас, в ярком свете солнечного зимнего утра, кладбище совсем не казалось страшным. Аурика шла среди памятников, скользя взглядом по именам и фамилиям. На статуях ангелов, стоявших у могил, лежали белые снежные шапки. Мир был наполнен тишиной, покоем и умиротворением. Однажды все закончится, и ты окажешься там, где есть сад и ручьи, – конечно, если ты был хорошим человеком.

Мавмуд был хорошим, Аурика знала это точно.

Впереди мелькнуло что-то черное. Она остановилась, оперлась о решетку оградки и увидела, что среди памятников идет доктор Вернон с какой-то книгой в руке. Несмотря на холод, пробирающий до костей, на нем было тонкое черное пальто и небольшая шляпа. На мгновение Аурика испугалась, что он ее не увидит, но Вернон приветственно махнул рукой.

– Доброе утро, госпожа Тобби! – произнес он, подходя. – Странное место вы выбрали для прогулки.

– Здравствуйте, доктор Вернон, – ответила Аурика. – Я не гуляю, я ищу могилу Эммы, дочери папаши Угрюма.

Вернон вопросительно поднял бровь.

– Необычное развлечение, прямо скажем, – заметил он.

Аурика строго посмотрела на него и сказала:

– Я вчера познакомилась с ее отцом, и меня тронуло его горе. Вот, – она показала доктору букет из шести белых роз, который купила в лавочке неподалеку от кладбища, – захотела почтить память бедной девушки.

Вернон криво усмехнулся.

– Какое нежное благородство и какое достойное сердце, – сказал он: Аурика ожидала услышать в его словах язвительность, но ее не было – только искреннее уважение. – Что ж, если моя компания вам не претит, я готов вас проводить.

Аурика кивнула:

– Благодарю вас, доктор Вернон, а то я начинаю понимать, что заблудилась.

– Немудрено, здесь все очень сильно перепутано, – ответил он. – Кстати, меня зовут Август, можете называть меня по имени.

Они вышли в другую половину кладбища, и здесь Аурике пришлось взять доктора под руку: дорожки еще не расчистили.

– А что вы здесь делаете? – спросила она, пропустив мимо ушей слова об имени.

Доктор Вернон улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

– Помните ту песенку, которую столь любезно упомянул ваш супруг? – спросил он и нараспев процитировал: – «Каждый четвертый был расстрелян, каждый третий прошел сквозь строй, каждый второй на нее повешен, каждый первый освобожден. И всем первым идти велели во все края Хаомийской земли, чтобы пели, чтоб вечно пели про левенфосские корабли...» Так вот, я был из третьих, а мой товарищ – из помилованных. Иван Ребельт, он меня сюда и привез. Я тогда был полумертвым куском мяса, одной ногой на том свете. – Вернон вздохнул, поправил шляпу. – Два года назад его не стало, но я частенько заглядываю к нему, так сказать, в гости. Ставлю на могилу стопку красного, Иван его любил.

– Соболезную, – промолвила Аурика.

Доктор усмехнулся:

– Люди с большим сердцем всегда становятся жертвами несправедливости. А у Ивана сердце действительно было большим. Я сам его вскрывал, я знаю.

От такой игры слов Аурика даже споткнулась. Вернон поддержал ее, и она возмущенно поинтересовалась:

– Я уже говорила, что вы невыносимый тип?

– Разумеется, – улыбнулся Вернон. – Позавчера, если быть точным. Но я могу быть и пайной, если пожелаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.